

Наталья КОЛЕСОВА

**Ж Е Н Щ И Н А
СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА**

**Новокузнецк
2012**

Муниципальное учреждение
Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Наталья КОЛЕСОВА

**Ж Е Н Щ И Н А
СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА**

Повесть

Новокузнецк
2012

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
К 60

Колесова Наталья Валенидовна

Женщина среднего возраста : повесть / Наталья Колесова ;
ответственный за выпуск – Калашников Н. Н; Муниципальное
учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В.
Гоголя; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ».– Новокузнецк, 2012 . – 80 с. : ил., портр.

©Наталья Колесова
©Рисунок на обложке – Константина Егорова

КОЛЕСОВА Наталья Валенидовна родилась в Новокузнецке. Закончила филологический факультет Кемеровского университета. В КЛФ "Контакт" пришла в 1991 г. Активный участник ролевого движения. Первая публикация – повесть "Голубая пантера" – в газете "Новокузнецк без политики" в июле-сентябре 1996 г. Пишет и нефантастическую прозу.

В конце 2007 года в московском издательстве АСТ вышел роман Натальи Колесовой «Карты судьбы». В 2009 году вышел роман «Прогулки по крышам», в 2011 – роман «На хвосте удачи».

Я считаю себя человеком средним. Средней внешности, средней упитанности, средних способностей и среднего... хм-м, вот теперь вру... достатка. Именно потому я и обратила внимание на объявление: «Требуется секретарь-референт, женщина *среднего* возраста». Споткнувшись на необыкновенном требовании, я немедленно обвела его маркером, чтобы вдруг не затерялось. Когда на любую работу ищут специалиста с высшим образованием, возрастом до двадцати пяти лет и одновременно – стажем не менее десяти (интересно, где только надеются отыскать эдакого вундеркинда?), – подобное объявление заслуживает пристального внимания. Тем более, что буквально на днях мне брякнет сорок – возраст самый что ни на есть средний. Очередная фирма, где я выполняла секретарские обязанности, только что прогорела (естественно, вместе с моей зарплатой за два предыдущих месяца), и я находилась в вялом поиске работы.

Секретарь-референт звучит, конечно, куда солиднее, чем секретарь-машинистка!

Разумеется, высшее образование, без него скоро и ведро со шваброй в руки не доверят.

Грамотный... н-да, работодатель начал понимать, что высшее образование вовсе не гарантирует грамотности. Впрочем, у меня как раз наоборот. Я – филолог, учитель русского языка. К тридцати пяти годам вдруг поняла, что не могу любить детей вообще... только в частности... а остальных уже не в состоянии выносить в силу их наглости и тупости, возрастающих прямо пропорционально распаду страны. И – сбежала из школы, где добросовестно трудилась на ниве среднего образования больше десятка лет. Благодаря многочисленным друзьям, подсовывающим мне то репетиторство, то распечатки, то курсовые-дипломные нерадивых студентов, с голоду умереть я не боюсь, но постоянный заработок никому еще не помешал.

Так... скорость печатанья... пф-ф... где ж они такого монстра-машинистку видали? Ладно, будем надеяться, что при приеме на работу не будут сидеть с секундомером в руках.

Знание делопроизводства... С этим всё в порядке.

Знание английского... Недавно подковывала – перед сорвавшейся в очередной раз поездкой за границу, постоянно не хватает денег, ну просто не выпускает меня родная страна!

Наличие рекомендаций... Вот уж это мы себе обеспечим! Я позвонила жутко деловой приятельнице Алле. Та уразумела проблему с лету.

– Рекомендации? Резюме? О чём разговор, Женьк, всё будет в лучшем виде. Подъезжай завтра к восьми.

Так. Теперь гардероб. Средний возраст предполагает неброскую элегантность. Я проинспектировала шкаф и обнаружила пару костюмов, которые мне как-то сшила приятельница по «Бурде». Поскольку в по-

вседневке я предпочитаю совершенно иной стиль одежды, костюмы всё ещё как новенькие, да и классика, говорят, не стареет...

Легкий макияж, простая укладка, мощное резюме в мультифоре – и полдесятого следующего утра я возникла на пороге фирмы, где мне посчастливится работать.

Или не посчастливится.

– Присядьте, – сказала худенькая и ужасно деловая девочка в чёрном костюме. – Андрей Юрьевич будет проводить собеседование сам.

Что, видимо, должно было меня утратить. Но, как часто бывает в самые ответственные моменты жизни, меня «на ха-ха прибило», как выразились бы мои ученички. Проклятый серый костюм просто сковывал, я не могла не держаться прямо, точно стержень в авторучке. Я осторожно припустилась на чёрный офисный стул, целомудренно прикрыв колени мультифорой. И обнаружила, что меня с двух сторон настороженно изучают сотоварки по несчастью с такими же мультифорами в арсенале. Я сочувственно улыбнулась, и они немедленно отвели глаза.

Уж не знаю, какое впечатление произвела на них я, но сама я слегка пала духом: все четверо выглядели просто классно (каждая в своем роде). И ещё я обнаружила, что средний возраст – понятие о-очень растяжимое. Одной из претенденток было лет двадцать пять, двоим – около тридцати, а дама, сидевшая слева от меня, явно перевалила через пятидесятилетний рубеж, хотя была ещё очень и очень, мне бы так выглядеть в свой сороковник.

Я заскучала. Понятно, почему ищут работу молодые – рыба ищет, где лучше, а человек... Понятно, что даму слева явно где-то подсократили, а до пенсии пахать и пахать. Но я-то, в своем достойном среднем возрасте, давно уже должна была сделать карьеру и держаться за своё место зубами и когтями, а не мотаться по неизвестным фирмам в поисках неизвестной же работы. Кстати, чем они здесь занимаются? «Три плюс» – похоже на название какого-то витамина...

Я сфокусировала взгляд на зеркале на стене напротив: брови нахмурены, глаза за стёклами очков (у меня минус четыре) напряжённо сощурены, углы рта скорбно опущены. Уши – и те увяли. Господи, можно подумать, у меня семеро по лавкам и муж-алкаш, каждый вечер требующий денег на бутылку, а каждое утро – на опохмелку! Я вздёрнула подбородок и растянула губы в улыбке. М-да, если я буду так улыбаться посетителям в приёмной, разорится ещё и эта фирма...

Я всё ещё пыталась приклеить на лицо жизнерадостно-уверенный оскал, когда перед самым моим носом мелькнуло что-то тёмное и стремительное.

– Доброе утро, Андрей Юрьевич! – подскочила девочка.

– Здравствуй, Аня. Здравствуйте.

Последнее адресовалось уже, видимо, нам, потому что претендентки зашелестели нестройным «здравствуйте». Я, со своими рожами, не успела и рта раскрыть. Едва за стремительным чифом закрылась дверь, как претендентки-конкурентки потрясённо переглянулись.

– Вот это да-а! – восторженно протянула миниатюрная брюнетка в чёрном брючном костюме. «Да-а!» относилось, видимо, к внешности начальника, которую я обзреть не успела. Но если внешность подстать задержавшемуся в приёмной парфюму, мне здесь делать нечего – уровень не тот. Ладно, для очистки совести всё же дождусь пинка под зад, перед тем как пуститься в дальнейшее жизненное плаванье...

Аня очень трепетно заглянула в дверь кабинета, что-то спросила (я услышала только обращение "Андрей Юрьевич"), и, быстро-быстро перебирая ногами-спичками, увистала из приёмной. Претендентки начали нервно перелистывать свои папочки. Кое-кто шевелил губами – повторял заученное, что ли? Я косилась с завистью. У меня в голове было пусто, как в моём кошельке.

Зазвонил телефон. Раз, другой, третий... На пятом звонке длинноногая «Белоснежка» справа передёрнулась:

– Ну если не берут трубку, значит, нет никого!

Телефон продолжал звонить. Претендентки – ворчать. Я нервно поглядывала на секретарский стол: терпеть не могу громких звуков. Да когда же он, наконец, заткнется? А!

Уронив мультифору, я совершила марш-бросок и свирепо рывкнула в трубку:

– Фирма «Три плюс» слушает!!

Пауза. Потом мужской голос требовательно произнёс:

– Кто это?

Я подавила желание представиться автоответчиком и твердо повторила:

– Фирма «Три плюс». Оставьте ваши координаты. С вами свяжутся.

Мужик не унимался:

– Кто у телефона? Представьтесь!

Между прочим, тебе бы тоже не мешало это сделать, сердито подумала я, но всё же сообщила:

– Ягунова Евгения. Что передать секретарю?

Влетевшая в приёмную Аня с ужасом замахала на меня обеими руками, и я без боя сдала ей телефонную трубку. Аня тут же запела:

– Слушаю, Андрей Юрьевич!

Уп-с! Я скорчила сама себе рожу и осторожненько вернулась на место. Аня положила трубку. Для острастки грозно глянув на меня, скомандовала:

– Карпова, пройдите.

Брюнетка тут же подскочила и, прижимая к груди папочку, скрылась за дверь. «Оставь надежду всяк сюда входящий»... Я зевнула. Претендентки посмотрели на меня с уважением, Аня – возмущённо. Они же не знали, что это у меня нервное.

Девушки входили-выходили с периодичностью в четверть часа. Я лениво прикидывала, выберет ли начальник содержание (читай, компетентность) – «сокращённую даму», или же форму – «длинноножку». И цинично ставила на форму. Зловредная Аня в отместку за непрошеное хватание трубок решила запустить меня в последнюю очередь. Всем выходящим она говорила одно и то же одним и тем же вежливо-отработанным голосом:

– Оставьте свои координаты. С вами свяжутся в течение трёх дней.

Я разглядывала обстановку приёмной со всеми необходимыми по последнему времени прибабасами: навесным потолком, точечными светильниками, половым покрытием – и вяло размышляла на тему, что сочетание синего, серого и белого меня бледнит. И вообще, трудно работать на мужчину, у которого такой сногшибательный парфюм и резкий голос – какое-то неудобоваримое сочетание. Да и график работы мне наверняка не подойдёт, я же не трудоголик... Я бы придумала еще кучу причин, почему совершенно не расстроюсь, когда мне откажут, как появилась моя предпенсионная соседка – помолодевшая, раскрасневшаяся и радостная. Аня и ей выдала свое коронное: «С вами свяжутся», – но явно гораздо приветливей, чем предыдущим. Да ладно, не так уж я много времени и потеряла!

Аня дождалась, когда я впихну мультифору в сумку, и распорядилась казенным голосом:

– Ягунова, пройдите.

Я спешно выдернула обратно смявшееся резюме с рекомендациями и отправилась на закланье.

– Здравствуйтесь.

– Доброе утро. Или уже день? – Андрей Юрьевич взглянул на часы, жестом пригласил меня в кресло. Я передала ему мультифору, села, и, наконец, рассмотрела своего предполагаемого начальника. И поняла смысл выражения: «в зубу дыханье сперло». От такого мужика у любой женщины могут случиться трудности не только с дыханием, но и с давлением, а уж про сердце и говорить нечего. Главное – чтобы не было запора. В смысле – суметь его переварить.

Чиф, продолжавший изучать мои бумаги, потёр пальцем чёткую тёмную бровь, и я смогла, наконец, прервать созерцание его физиономии. Интересно, а могут ли надоест восхищённые взгляды? Мне, определенно, – нет.

Андрей Юрьевич, видимо, обладал навыком скоротчения, или ему так надоел подбор секретарских кадров, что он просмотрел мои бумаги буквально наискось. Постучал пальцем по какой-то строчке:

– Вы работали в фирме «Тур».

Где-где, чуть не переспросила я. Надо было хоть одним глазком взглянуть на свое собственное резюме: чёрт его знает, что там Алка понаписала!

– Почему ушли оттуда?

– По семейным обстоятельствам, – туманно ответила я. Хорошо, что он не стал уточнять, по каким именно: мозги в данный момент у меня совершенно раскисли. Палец вновь вонзился в многострадальное резюме.

– Тут написано, что вы печатаете пятьсот знаков в минуту. Это правда?

– Хотите анекдот? – предложила я. – Машинистка дает объявление: «Печатаю тысячу знаков в минуту». Обалдевший работодатель прибегает, спрашивает: «Что, правда, тысячу знаков в минуту можете?» «Могу, – отвечает машинистка, – только, знаете, такая хер... э-э-э... фигня получается!»

Так как мой собственный предполагаемый работодатель продолжал пристально и молча смотреть на меня умными карими глазами, я поглядела в окно, подумала и объяснила:

– Анекдот.

Он серьёзно кивнул.

– Я понял.

Откинулся в кресле. Сложил руки домиком. Под его внимательным взглядом я твёрдо напомнила себе, что он моложе меня на добрый десяток лет (если не больше) и вообще оценивает меня сейчас не как женщину, а как предполагаемую рабсилу.

– Почему вы взяли трубку в приёмной?

От неожиданности я ответила чистую правду:

– Трезвон надоел.

Что это за звук? Подавленный смешок?

– Мы без секретаря уже больше месяца, – сказал Андрей Юрьевич. – Думаю, новому потребуется много времени, чтобы привести документацию в порядок. Как ваша семья отнесётся к тому, что вам придется задерживаться по вечерам, работать в выходные?

Он что, не дошёл до пометки «эн/зэ» – «не замужем» или «неприкосновенный запас» – понимай, как хочешь? Или желает услышать мое личное чистосердечное признание?

– Никак, – настороженно сказала я. А вдруг он убеждённый семьянин и холостых людей считает неполноценными и ненадежными недоумками? – У меня её нет.

Андрей Юрьевич поглядел в окно.

– Мне было жаль лишиться своего секретаря, – сообщил он. – Она была умна, энергична, компетентна...

– Сочувствую, – сказала я нервно. – Она была молода?

Он взглянул странно.

– Достаточно молода, чтобы выйти замуж за одного из наших клиентов.

Я кашлянула. А я-то думала, что предыдущий секретарь коньки отбросил – уж очень жалостно это у него прозвучало.

– Ну, на меня можете рассчитывать! Я так вас не подведу. Могу даже расписку дать.

(Потому как шансы у меня не то что нулевые – минусовые).

– С условиями работы ознакомлены?

– Да.

– Со всем согласны?

– Д-да...

– Можете выйти завтра с утра?

– А что... я уже принята? – не поверила я.

Андрей Юрьевич встал и протянул руку.

– Поздравляю. Вы нам подходите.

После секундной заминки я подскочила и пожала ему руку. Ладонь была теплой и била током. Мой завтрашний чифф поглядел на наши руки, разжал пальцы.

– Завтра в девять.

Переодевается народ стремительно. Ещё вчера все были в шубах, пуховиках, дублёнках, а сегодня вон идет девчонка: каблочки-не каблочки, колготки телесного цвета, юбка под короткой курткой лишь подразумевается... У идущего следом мужика-бедолаги слюни чуть ли не до земли.

В общем-то по весне, по лету я мужчинам очень даже сочувствую. Если уж у меня голова сама собой заворачивается – полюбоваться на очередную высокую, длинноногую, фигуристую – то что про них-то говорить? В наше время (ненавижу это выражение, но куда от него денешься!) народ был куда мельче, серей и незаметней. Сейчас же по глазам прямо бьёт цветом, голой кожей, животиками, ногами, грудями...

А вот полюбоваться на молодых парней выпадает почему-то крайне редко, увы... Ну разве что на моего наисвежайшего чифа. Хотя он скорее уже мужчина.

Я оглядела себя и вздохнула. Пальто мышинового цвета безо всякой фигуры, потому как найти что-нибудь подходящее на широкие бедра и одновременно – тонкую талию – очень и очень проблематично (как, впрочем, наверняка и на все остальные фигуры). Всё ещё не могу расстаться с тёплым шарфом, страшно в эту зиму мерзну. На ногах – что называется в народе «говнодавы», но ведь какие удобные! А шапку нельзя снимать, по-

тому что сначала следует подстричься. И покраситься во что-нибудь этакое... солнечное.

Апрельское.

И вообще – на работу пора!

Сегодня я «окарала», как говорили мы в детстве, задев меловую границу «классиков», – наступила на любимую мозоль начальнику. Вернее, его... как бы это полилитературнее выразиться... пассив.

Она влетела в приёмную, когда я у зеркала приводила в порядок свою небогатую причёску. Заслышав цоканье, я оглянулась на целеустремленно несущуюся к кабинету тоненькую ухоженную даму.

– Начальник занят. Девушка, вы что, не слышите? Подождите! Девуш...

Открыв дверь, девица зыркнула недобрым взглядом и резко захлопнула её за собой.

Аня смотрела на меня с восторженным ужасом.

– Ты что! Это же Лена!

– Какая Лена?

– Ну его... баба. Как бы постоянная.

Я села.

– А у него ещё переменные имеются? Нет, а ты-то что молчала? Хоть бы знак какой сделала!

– Да не успела я! – оправдывалась Аня, но глаза её горели радостным предчувствием скандала. Пав духом, я повернулась к компьютеру, ворча в том смысле, что сначала надо представлять список лиц, допущенных к начальническому телу, а потом уже требовать исполнения церберской службы – а то, может, она террористка какая...

В мгновение ока весть о том, что я пыталась подставить подножку чифовской подружке, разнеслась по всему офису, и на меня ходили смотреть экскурсиями. Прямо хоть билет продавай на неожиданный аттракцион в моём лице! Из подбадривающих замечаний стало ясно, что в подавляющем большинстве своем коллектив фирмы Лену недолюбливает. Более того, она настояла на увольнении пред-предыдущей секретарши, длина ног которой была сравнима с длиной ног самой Лены. А посему коллектив рад хоть какой-нибудь пакости, доставленной неприятной особе – чужими руками, разумеется.

В общем, когда, наконец, открылась дверь кабинета, я уже была готова собирать вещички.

Вышла Лена. Я поглядела на неё и на мгновение отвлеклась от тяжёлых мыслей о грядущей безработице. Интересно, почему многие обеспеченные дамы, одетые так дорого, стильно, модно, выглядят сестричками-близняшками: словно на них на всех один фасон, цвет, причёска, и макияж?

Лена обернулась и кинула через плечо в кабинет:

– И скажи этой своей, чтобы не вздумала больше повышать на меня голос!

И поцокала к выходу. Когда кони сытые – цокают копытами...

Начальник аккуратно прикрыл дверь. Не глядя на меня, прошёл через приёмную, на ходу доставая ключи от машины. Даже и «до свидания» сказать нету силушки? Это моё телепатическое послание он, похоже, принял, потому что неожиданно остановился и, повернувшись, подкинул ключи на ладони.

– Вы, кажется, на Садовой живете?

– Да, – настороженно призналась я.

– Я подвезу.

Я открыла рот, но протесты можно было адресовать уже только пустой двери. Чудны дела твои, господи! Я поспешно схватила сумку и куртку и бросилась вниз. Парочка сидела в машине в совершеннейшем молчании. Едва я плюхнулась на заднее сиденье, как машина сорвалась с места. Может, я не совсем русская (а кто из нас чистокровный русский?), но такой сумасшедшей езды не люблю. Где тут у них пристегнуться?..

До моего дома мы добрались в рекордное время.

– Спасибо, – я поспешно выбралась наружу. Как человек болтливый и миролюбивый, терпеть не могу напряжённой тишины. Тут мадам открыла рот – первый раз за всю поездку – и, глядя прямо перед собой в лобовое стекло, произнесла короткую, но крайне выразительную речь.

Она сказала:

– И чтоб это было в первый и в последний раз!

Не поняв, кому это адресовано – мне или никак не прореагировавшему чифу, – я тоже решила не реагировать. Кивнула куда-то в середину между передних сидений.

– До свиданья.

И захлопнув дверь, мстительно подумала: а обесцвеченные волосы тебе не идут! Дёшево выглядишь!

– Утро доброе!

– Утро добрым не бывает, – привычно отозвался наш охранник Валера.

Вообще-то поспать я люблю, но в это акварельно-серое, мягкое апрельское утро проснулась удивительно бодрой. И даже перспектива провести на работе половину субботы ничуть меня не расстраивала. Главное – никого не будет в офисе – и мне удастся разгрести завалы, оставшиеся после секретаря, смывшегося замуж, и недели собственной плодотворной работы.

Напевая под нос, я вприпрыжку взбежала на второй этаж. Открыла приёмную, потом – жалюзи, полила нисколько не вдохновлённую моим

тщательным уходом чахлую местную зелень. Сварила кофе, с огромным удовольствием прикончила жутко калорийные покупные сэндвичи. Будем надеяться, успею разгрести всё до обеда, потому как на него ничего не осталось.

Несколько часов я работала, не покладая ни головы, ни рук: набирала, исправляла, отсылала, сортировала. Принтер тихо шипел и сноровисто выпекал документы, я так же сноровисто раскладывала их, горяченькие, по соответствующим папкам. Наконец, почувствовав, что моя попа приняла форму кресла, а шея изобразила вопросительный знак, что прекрасно смотрится у лебедя белого и печально – у женской человеческой особи – я вспомнила об обязательной производственной гимнастике. Поймала по радио музыкальную волну, прошлась по приёмной, с вялым кряхтением ворочая корпусом в разных плоскостях.

– Тебе уже восемнадцать, мне всего тридцать семь!.. – заорал приёмник. Образец мужской логики, между прочим. Как мы там бацали рок-н-ролл? Я устремилась к зеркалу. Хорошо, что я сегодня в кроссовках, потому что с отвычки можно запросто вывихнуть ноги. Раз-два-три-четыре. Раз-два-три-четыре...

Последние аккорды вонзились в пустынные пространства офиса, я восторженно взвизгнула и, лягнув себя пятками по ягодицам, развернулась на сто восемьдесят градусов.

И снова взвизгнула – куда громче приёмника.

Передо мной стоял Андрей Юрьевич. Он ошеломлённо смотрел на меня, на пальце отставленной руки забыто покачивались ключи от приёмной.

– У-у-й... – неконтролируемо выдохнула я.

Он вышел из столбняка первым.

– Здравствуйте, Евгения Александровна.

Исполать тебе, добрый молодец свет Юрьевич... Чтоб ты провалился.

– Здравствуйте! Вы... зачем сегодня... здесь?

Он ухитрился даже не улыбнуться.

– Знаете, – сообщил вежливо, – это ведь *мой* офис.

– Э-э-э... разумеется, – пришлось согласиться, потому что какая-то сермяжная правда в его словах явно присутствовала.

– И я хотел сегодня поработать, – он взглянул на орущий приёмник и задумчиво добавил: – когда никто и ничто не мешает.

Я поспешно выключила музыку.

– А. Да. Я тоже, – я махнула рукой в сторону стола, являя его, как доказательство моей усердной трудовой деятельности. – Я ещё немножко поработаю?

Склонив голову, он смотрел на меня, как заинтересованный пёс.

– Первый раз вижу, – произнёс задумчиво, – чтобы мой сотрудник извинялся за то, что он на работе. Разумеется, вы можете поработать ещё.

И отправился к себе в кабинет.

Пф-ф-ф... спасибо, не сказал, что это – его приёмная, а не какой-нибудь там данс-клуб!

Примерно через час я осторожно поскреблась в дверь кабинета.

– Андрей Юрьевич, я собираюсь уходить. Вам ничего не надо?

Начальник поднял голову и посмотрел пристально, словно вспоминая, кто я такая вообще.

– Нет, спасибо, – узнал всё-таки, слава те, господи!

– Может, кофейку? – льстиво запела я. – Только что сварила!

– Кофе – да, пожалуйста.

Кофе у них было принято действительно «варить» – на крохотном «камбузе» за раздвижной дверью в приёмной. Я осторожно перелила содержимое джезвы в чашку, водрузила вместе с крохотной сахарницей на поднос и осторожно, то и дело поглядывая под ноги, точно на моём пути были заложены мины, понесла в кабинет.

Андрей Юрьевич, отложив ручку, наблюдал, как я к нему приближаюсь. Может, опасался, что я не справлюсь с управлением и пролью горячий кофе на самое дорогое, что у него есть? Не тут-то было! Я ловко выставила посуду на стол, приложила подносик к боку, словно взяв «на караул», и отрапортовала:

– Я всё закончила. Если я вам не нужна, могу идти домой?

Он заглянул в чашку, проверяя кофе на цвет или желая убедиться, что это именно кофе. Сказал неожиданно:

– Да и я, в общем-то, тоже закончил...

– До свидания? – с надеждой подсказала я.

– До свидания.

Я мельком оглянулась от двери – привстав, начальник поспешно допивал кофе – как только не обжигается, ведь кипяток же! Что это он так заторопился? Такой трудоголик просто обязан пахать полные выходные.

Охранник явно истосковался от безделья, потому что при виде меня подскочил и залихватски распахнул дверь.

– До свидания, Евгения Александровна!

– Счастливо отдежурить, Валера.

Он подпёр собой дверь, не давая закрыться. Спросил, улыбаясь во весь крепкозубый рот:

– Чем заняться сегодня думаете?

– Чем? – я огляделась. Деньёк разыгрался что надо. – Солнышко... Наверное, попробую на балконе позагорать.

– В купальнике или без? – игриво осведомился Валера. Да, парень явно истомился – весна, скучное дежурство, которое даже книжка не может скрасить, потому как, судя по физиономии, не умеет Валера читать. У ме-

ня на языке уже вертелся соответствующий случаю ответ, как за спиной охранника возник Андрей Юрьевич.

– До свидания, – произнёс он таким тоном, что стало ясно, как он недоволен фамильярностью охранника, а заодно и той, кто эту фамильярность поощряет. Валера поспешно ступешался, посторонился, придержав дверь и для него, а потом так усердно начал её запирать изнутри, что этого занятия хватило на всё то время, что мы собирались в дорогу.

– Вас подвезти? – спросил Андрей Юрьевич, направляясь к «БМВ».

– Нет, я на своём.

Начальник машинально оглянулся, отыскивая поблизости ещё какой-нибудь вид транспорта. Я выволокла из-под прикрытия крыльца велик и продемонстрировала победно.

– Вот!

Андрей Юрьевич замер, не донеся ключ до замка.

– ЧТО это?

Я засмеялась.

– Велосипед! Знаете, такая машина, у которой всего пара колес, а вместо двигателя – мои ноги.

– Спасибо за объяснение, – пробормотал он.

Внимательно наблюдал, как я проверяю колеса на предмет «восьмерок».

– Занимаетесь велоспортом? – спросил с некоторым почтением.

– Вот на этом-то?! – встряхнула задрезжавший велик. – Да ему сто лет в обед! Лучше, конечно, на мотоцикле, но гаража у меня всё равно не имеется...

– Вы умеете ездить на мотоцикле?! – перебил Андрей Юрьевич.

– Не знаю, ещё не пробовала.

Я увидела выражение его лица, и, закусив губу, чтобы опять не засмеяться, наклонилась, ненужно выправляя руль. Что-то сегодня я всё время сбиваю его с толку.

И услышала:

– Не хотите пообедать?

Я изумлённо вздёрнула голову – чиф выглядел так, словно тут же пожалел о своих словах. Веселясь про себя, я покачала головой:

– Спасибо, но помнится, ваша подруга говорила что-то о «последнем разе»...

Разумеется, я тоже тут же пожалела – это прозвучало, как подначка, и начальник, как истинный мужчина, среагировал соответствующе.

– Он ведь складывается? – спросил нелюбезно, чуть ли не вырывая у меня велик.

– Ну да, – пробормотала я, – а что... да не влезет он в ваш багажник!

Влез. Хотя, стоя рядом, я молилась, чтобы мой драндулет не поцарапал драгоценный лак его холеной «бэхи». Ещё вычтет из зарплаты...

Я нырнула в багажник, поправляя «рога» велику. Выпрямляясь, перехватила взгляд чифа – он тут же отвёл глаза. Ну да, да, Андрей Юрьевич, у меня есть столь немодная в наши дни попа!

Начальник закрыл багажник и открыл передо мной дверь.

– Ну и куда, – я продемонстрировала ему свой потертый джинсовый прикид, – мы отправимся? В «Макдональдс»?

– В шашлычную. Вы любите шашлык?

– Не из собачатины, – предусмотрительно сказала я.

– Есть у меня любимая забегаловка неподалеку, – сказал он, трогаясь с места. – Без собачатины.

Я посмотрела назад. Охранник Валера бросил запирать несуществующие замки и пялился нам вслед, расплющив нос о стеклянную дверь офиса. Интересно, а Ленусик не приплачивает ему за информацию о своём женихе?

Оглядела машину. Кому не нравятся красивые машины? Но что-то не встречала я до сих пор «БМВ» красного цвета. Чёрный – сколько угодно, серебристый – да, синий – пожалуйста... Я поглядела на её хозяина. Если верно замечание, что для мужчины машина – практически продолжение его полового члена, то у нашего начальника этот самый член ого-го... Чиф мельком глянул на меня, и я невинно ему улыбнулась.

Мы выбрали столик снаружи – подальше от душного общего зала и пылившей дороги.

– Вы не на диете? – спросил Андрей Юрьевич.

– А что – надо? – отозвалась я обиженно.

– Ну... женщины любят сидеть на диетах.

– Женщины любят *говорить* о диетах, – поправила я, вгрызаясь в шашлык. Перехватила взгляд чифа. Он смотрел на меня с улыбкой. Хорошо, что Андрей Юрьевич редко улыбается – и без того смотреть на него больно.

– Вы выглядите сегодня по-другому...

Я перехватила его взгляд – из-под рукава моей джинсовой куртки сиял цветастый набор бисерных "фенечек", подаренных племянницей.

– Просто сегодня игнорирую «дресс-код», – объяснила вполне очевидное. – Вы тоже, я смотрю, не при пиджаках и галстуках.

– Ну да.

Принялся за свой шашлык. Теперь уже я наблюдала за ним: ест неспешно, аккуратно, с явным удовольствием, но без жадности. Тут я вспомнила, что по тому, как мужчина ест, можно сказать, как он ведёт себя в постели, и поскорее отвела глаза. Что-то у меня мысли сегодня приняли вполне определенное направление...

Ах, да. Весна.

Заказав вторую порцию, я хлебнула холодного пивка и прижмурилась на тёплое солнышко. Ох, хорошо! Бывают же в жизни моменты, когда всё мирно и благодушно! Жаль, что такие мгновенья коротки.

Потому что я услышала вдруг:

– Расскажите о себе.

Раскрыв глаза, я выпрямилась, с недоумением глядя на начальника. Он тоже откинулся на спинку сиденья, непринуждённо закинув руку на соседний стул, и посматривал то на меня, то на дорогу.

– А что вас интересует?

Вдруг он расколол меня про «Тур»? Вся остальная информация в резюме, в принципе, верна...

Только слегка отредактирована.

– Сколько вам лет?

Такой молодой – и уже никакой памяти! В резюме же все было!

– Сорок. Почти.

– Выглядите моложе.

– Ну да, – скептически согласилась я. – На три недели и один день.

Он озадачился.

– Почему ровно настолько?

– У меня день рождения через три недели и один день, – пояснила я. –

Что вас ещё интересует?

Он проследил за тем, как я ополовинила кружку с пивом. Я успокоила:

– Не волнуйтесь, никого ещё не лишили прав за вождение велосипеда в пьяном виде!

– Когда вы развелись?

Я едва не поперхнулась.

– Да я и замужем не была никогда!

Он чуть не вдавился спиной в спинку стула.

– О... извините.

– За что? – изумилась я.

– Ну... наступил на большую мозоль, наверное.

Я смотрела на него во все глаза. А вот фиг он угадал! Моей последней коронкой были мои преклонные лета.

– Если уж на то пошло, – перешла я в наступление, – вы тоже уже не мальчик! Вы-то почему не женитесь?

– Почему не женюсь? Женюсь.

– На ком, если не секрет?

Он посмотрел так, что я без труда расшифровала: не твое собачье дело! Но хорошее воспитание взяло верх. Правда, ответил он по-еврейски – вопросом на вопрос.

– А вы как думаете?

– На Лене?

– Почему бы и нет?

Я промолчала.

– Мы знакомы уже давно. Притёрлись друг к другу.

Я молчала.

– Конечно, характер у неё... но кто из нас похож на ангела?

Он поглядел на меня и вдруг спросил требовательно:

– А что это вы всё молчите?

Я пожала плечами.

– Слушаю.

– Но вы так выразительно слушаете...

Я подняла руки.

– Сдаюсь! Что вы хотите, чтобы я сказала?

Он качнулся на стуле, глядя вверх, в небо. Я смотрела на него и в который раз удивлялась, что он ещё холост. Слишком быстро бегают?

– А что нужно сделать, чтобы лучше узнать женщину? – внезапно спросил чиф, резко опускаясь обратно на все шесть ног – своих и стула. Мне показалось, он шутит, но Андрей Юрьевич смотрел на меня в упор карими внимательными глазами. Красивые, но вовсе не женские, требовательные глаза.

– Время с ней проводить.

– И всё? – разочаровался он.

– Я имею в виду – не только в постели. Ходить с ней куда-нибудь, гулять, ездить на природу в выходные...

Андрей Юрьевич смотрел с удивлением:

– А где взять на это время? Работать-то когда?

– Отпуск возьмите, – буркнула я, внезапно разозлившись. Чего прицепился? Сам завёл разговор, сам совет спросил, а теперь критикует! И вообще, у меня второй шашлык остывает!

– В отпуск не могу, – рассеянно сказал он. – У меня впереди заключение важного контракта.

Я опять промолчала – благо, рот занят. Да уж, бедная его жена! Будет видеть мужа раз в пятилетку. Может, не зря Леночка на стенку лезет? И зачем трудоголикам вообще жениться? Какая ему разница, где ночевать – дома или в офисе? Чтобы в редкое свободное время делать законных детей? А потом оскорбляться, что затосковавшая жена заводит себе любовника?

– Сейчас модно жениться на молоденьких, – подсказала я. – Воспитаете себе супругу по собственному вкусу.

– Нет, у молодых большие запросы, а мозгов маловато. Хотя, конечно, они могут ещё влюбиться, например, просто за игру на гитаре. Романтика

ещё играет... Вот женщины постарше уже смотрят – сколько зарабатывает, есть ли квартира...

Я промолчала. Неопределённо. Андрей Юрьевич глянул и поспешил добавить:

– Хотя и понятно – всё-таки семью кормить... А как понять, нужен ты сам или твои деньги?

Э-э-э, да у парня и впрямь проблемы! Ему бы с мамой посоветоваться, вот только не говорят с мамой на такую тему. Да и мамы ещё те бывают... Видно, мой преклонный возраст и подтолкнул его пооткровенничать – просто он не в курсе, что не способна я испытывать никаких материнских чувств к шикарному молодому мужчине.

– Разоритесь, – предложила я совершенно серьёзно. Он хмыкнул. Так, первый вариант не прошёл... Я тщательно вытерла салфеткой рот. Потом руки. Протирать голову был бы уже перебор, потому пришлось-таки разговор продолжить.

– Вы рядом какую даму предпочитаете? Красивую или уродку?

Он всерьёз задумался над этим чисто риторическим вопросом. Я, подняв брови, наблюдала: как будет выкручиваться? Андрей Юрьевич ответил чисто по-мужски – просто, прямо.

И определённо.

– Ну-у-у... – сказал он.

– «Самое главное в женщине душа, говорим мы – и смотрим на её ноги», – процитировала я.

Засмеялся. Я сложила руки на столе, готовясь к долгому вправлению мозгов.

– Значит, вы согласны, что в мужской природе заложена тяга к красоте, то есть, к выдающейся самке? Ну, хоть кивните! Вот так. А в женской заложен выбор выдающегося самца. А выдающийся самец тот, кто приносит больше мамонятины... в нашем случае – больше «зелени». Так что не вижу ничего обидного, что девушки предпочитают джентльменов с деньгами – по крайней мере, с голоду ни они, ни их дети не помрут. Да сейчас, между прочим, даже в туалет бесплатно не сходишь! Просто у нас в стране всё так перевернулось – женщина готова вынести и выкормить и мужа-бездельника и всех его отпрысков...

– А вы к какой из этих двух категорий относитесь? – немедленно спросил он.

Я радостно улыбнулась.

– К третьей! К старым девам. Слыхали про таких?

– Слышал, – пробормотал он. – Но представлял другими. Наелись?

Я довольно похлопала себя по животу.

– До отвала! Хорошая забегаловка.

– Давайте я вас довезу.

Я попыталась создать видимость переразвитой тактичности:

– Ну, если вам не тяжело...

– Так я ж не на себе, на машине, – резонно заметил он.

... Легко вытащив велик, чиф окинул взглядом мою пятиэтажку.

– Вы на каком этаже?

– На втором. Видите, балкон зелёный?

– А вы и, правда, собираетесь сегодня... – он вдруг замолк и всучил мне велосипед.

– А? – спросила я.

– До понедельника, – сказал он, быстренько сел в машину и стартанул с места так, словно за ним черти гнались.

– До понедельника, – пробормотала я, перехватывая велик поудобнее. – И спасибо за обед.

Случилась у нас корпоративная вечеринка. Раньше то же самое называлось просто коллективной пьянкой. Причём я, как секретарь-референт, ни о чём таком и не подозревала, пока в приёмную не ввалились парни в униформе с коробками в обнимку и бодрая длинноногая деваха, которая с порога начала командовать всеми, на кого падал её голубой взгляд. Мне оставалось только уползти в угол, чтобы не быть затоптанной, и предаваться тихому восторгу – организация угощения на несколько десятков персон лично меня бы повергла в ступор и разруху.

Начальство отсутствовало, поэтому причину всего этого безобразия я выяснила у вездесущей Ани.

– Так вечеринка же! – воскликнула та, вытаращив на меня глаза и, как всегда, радуясь, что есть на свете кретинки, которые не знают очевидного.

– Я заметила! – перекричала я звон расставляемых бокалов и рюмок. – А повод?

– Просто так! Андрей Юрьевич любит устраивать праздники! Ой, надо макияж освежить!

Упорхнула. По моим недолгим наблюдениям Андрей Юрьевич больше любит устраивать подчинённым суровые трудовые будни. Я тоже вынула зеркало.

... Да-а, красота – страшная сила. Причём, чем дальше, тем страшнее. Морщины скоро придётся на калькуляторе подсчитывать... А, блин, да кому я здесь нужна!

Как только всё было готово, по неведомой команде в приёмную влетел стремительный Андрей Юрьевич. Бросил на ходу:

– Соберите ко мне всех сотрудников!

Сотрудников – вот странно! – долго уговаривать не пришлось. Через несколько минут все очутились в просторном кабинете начальника. Народ галдел и с молодым аппетитом опустошал фуршетный стол. Я несколько

минут помнила о контроле над весом, но – старость не радость, склероз, сами понимаете, – и с удовольствием присоединилась к общему пиру. Из спиртного здесь было шампанское, вино, водка: похоже, рабочий день на сегодня закончен...

Я прислонилась к подоконнику с полной тарелкой и бокалом в руках. Народ хихикал, флиртовал и сплетничал. Музыка была достаточно громкой, чтобы можно было обсуждать соседа и одновременно улыбаться ему в лицо. Кое-кто уже пританцовывал. Официанты кидались коршунами на всякого, у кого обнаруживалась пустая ёмкость для питья. Я нашла глазами чифа. Рядом с ним стояла длинноногая устроительница всего этого безобразия, улыбаясь в свой бокал. Андрей Юрьевич вёл оживлённую беседу с ней и ещё с парочкой таких же симпатичных девах. Леночки на вас нет!

М-да, я-то что тут делаю, среди этой... оранжереи? Хочешь быть всегда молодой и стройной – держись старых и толстых! Пойти покурить, что ли?

Я выволокла свои древние кости из веселящегося кабинета. На моём столе ворковала очередная парочка. Хорошо ещё, только ворковала, подумала я злобно. Схватила сумку – пара меня проигнорировала – и пошла искать укромный уголок.

Коридор в самом конце делал поворот буквой «Г», которая скроет от приёмной нарушителя правил внутреннего распорядка. Так как Андрей Юрьевич не курил и объявил свою фирму некурящей зоной, народ пытался соблюдать видимость лояльности – прятался, брызгался парфюмом, жевал жевачку, хотя толку от этого было чуть. Я сильно подозреваю, что начальник просто однажды сам бросил курить, а чтобы не подвергаться лишнему соблазну, запретил заодно «здоровью вредить» и всем своим подчинённым.

Вообще-то я практически не курю, пачку в сумке таскаю исключительно «для коммуникабельности», и подозреваю, что у моих сигарет давно вышел срок годности. Я открыла окно и присела на подоконник. Обязана ли секретарша ожидать конца вечеринки или может сбежать пораньше?

С улицы повеяло летним теплом, смешанным с запахом весны – и мне немедленно захотелось открыть окно настежь и свесить ножки наружу. Я даже перегнулась вниз – убедиться, что упавшая с моей ноги туфля не продырявит кому-нибудь голову.

– Вам там что, серенады поют?

– Ай! – я взлетела перепуганной кошкой – только что горб не выгнула.

Андрей Юрьевич выставил руки:

– Успокойтесь! Это только я.

Ничего себе – «только»! Я заметалась – куда бы деть или затушить сигарету, но поняла – застукана, хмыкнула и демонстративно затушила. Андрей Юрьевич никак моё антидисциплинарное поведение не проком-

ментировал. Выглянул в окно – видимо, в поисках моего несуществующего "серенадщика".

– Что ж вы убежали? Скучно с нами стало?

А вы-то сами с чего вдруг удалились? Я пожалала плечами. Не рассказывать же ему о своих возрастных переживаниях! Вот доживёт до того времени, когда хорошенькая осьмнадцатилетка назовет его «дяденькой», тогда и поймёт! В качестве отмазки предложила свою сигарету.

– Покурить захотелось.

Он словно впервые её заметил.

– А я и не знал, что вы курите. Никогда не пахло...

Когда это он успевает меня обнюхивать? Или у бывших курильщиков обоняние переразвито? Я хмыкнула.

– Курю. Когда выпью.

Некоторое время он созерцал процесс курения – так сосредоточенно, точно его завораживала необычайная красота моих действий. Начав давиться дымом, я решила прекратить это издевательство – достала из сумки пачку и провокационно покрутила у него перед носом.

– Хотите?

– Я не курю.

– Ну и не курите! Но ведь хотите?

Он внимательно посмотрел на меня. Сделал два шага назад и осторожно выглянул в основной коридор.

– Никого. Давайте, быстро!

Я выщелкнула ему сигарету. Дала прикурить. Андрей Юрьевич затянулся и сказал с чувством:

– Какая гадость!

– И не говорите! – согласилась я, тоже затягиваясь. Мы мирно прикончили наши сигареты, Андрей Юрьевич выкинул окурочок на улицу и сказал:

– Пойдёмте?

«Пройдёмте!», передразнила я про себя и нехотя сползла с подоконника.

Войдя в свой кабинет, он первым делом огляделся, принюхался и грозно спросил:

– Кто-то опять курил?!

Несколько человек поспешно порскнули в разные стороны. Я оценила грамотность подхода. Сказывается большой опыт...

Открыла я дверь в собственную квартиру, приглядываясь и принюхиваясь. Ага, похоже, у меня побывала маман. Наша мама, несмотря на возраст, энергичнее нас всех, вместе взятых. Периодически она устраивает набеги на квартиры дочерей, чтобы уличить нас в отсутствии порядка, недосмотре за детьми и недокорме домашних животных.

Вот и записка на кухонном столе: «Где ты попадаешь? Привезла тебе пироги с яйцами и луком. И с творогом. Помой люстру, стыд смотреть! Мама». М-да... хорошо, что она меня не дождалась. Для матери бокал шампанского, выпитый на внезапной «корпоративке», равнозначен залитой за воротник бутылке водки: ну что ещё делать безнадежно незамужней дочери одинокими тоскливыми вечерами? Только спиваться. Вот такая вот непостижимая материнская логика...

Я зашуршала мешком с пирогами. Ура, и ужин не надо готовить! Сама я пироги не пеку уже давно – по принципу экономии энергии (а если проще, из врожденной лени) – разве что один и на весь противень. Заварив чайку, принялась поглощать жутко калорийный и жутко вкусный продукт. Ела и приглядывалась к люстре – и правда, грязновата. Ну не вечером же её начинать драить! Вот подожду выходных, вымою... если не найдётся другого интересного занятия.

Кот Марс сонно помаргивал на меня жёлтым глазом. Второй открывать было лень – похоже, от бабушки ему тоже перепало много чего вкусенького.

Я подумала и решила на постирушку. Загрузила машинку-автомат, включила двухчасовую программу и улеглась на диван с книжкой. Завтра могу говорить с чистой совестью: «ой, вчера весь вечер стирала!»

Наутро апрель плавно перетёк в ноябрь: снег с дождём, тоскливая хмарь и промозглый ветер. Пришлось опять доставать свитер – а я-то с вечера приготовила легкомысленную кофточку с коротким рукавом и большим декольте – вдруг кто соблазнится моими бледно-зимними прелестями? Краситься теперь придётся на работе, чтобы тушь по дороге не смылась – в прямом и переносном смысле. Я намотала тёплый шарф, поглядела на себя в зеркало, вспомнила, что всё-таки весна на дворе, и поменяла его на тонкий шейный платок.

Задубела ещё до того как сесть в автобус, оказывается, и перчатки дома оставила. Ну не возвращаться же теперь за ними!

Так что на работу я явилась трясущаяся, со скрюченными пальцами, красным носом и мокрыми от снега волосами. И, естественно, в этом самом виде меня застал не вовремя выглянувший Андрей Юрьевич. Застал и – застыл. В ужасе, надо полагать.

– Замерзли?

Я только зыркнула на него – терпеть не могу вопросов под локоть. Да ещё с вполне очевидным ответом. «Тепло ли тебе, девица, тепло ли тебе, синяя?»

– Уг-гад-дайте... – предложила я, стуча зубами. Он помог мне снять пальто, аккуратно встряхнул его от капель дождя-снега и повесил в шкаф.

Я кинулась в кресло, растирая руки. Начальник продолжал торчать у меня над душой. Я злобно вскинула глаза:

– Вам что-то нужно?

– Нет, – убрался, наконец. Слегка оттаяв, я попыталась (безнадёжно) спасти остатки причёски. Негнущимися пальцами взялась за тушь.

Открылась дверь. Я чертыхнулась – всё ещё про себя, оцените выдержку – и уставилась на Андрея Юрьевича одним накрашенным глазом. Спросила - угрожающе:

– Ну?!

Он продемонстрировал бутылку коньяка и пузатую рюмку.

– Выпейте. Согреетесь.

Я растерялась.

– Так на работе же нельзя...

– Вы не пьёте, – наставительно сообщил Андрей Юрьевич. – Вы лечитесь.

Конечно, это круто меняет дело! Я взяла рюмку – чиф налил мне половину.

– Чин-чин, – пробормотала я, поднесла её к синим губам и замерла. За стеклянной дверью приёмной стояла Аня, тарашилась на нас круглыми глазами. Интересно, а что бы я подумала, увидев, как начальник с утра опохмеляет свою секретаршу?

– С понедельничком вас! – сказанула я и залпом выпила коньяк. Как только люди его смакуют? По мне так лучше водка – там, по крайней мере, заранее знаешь – гадость. Недоразвитый вкус, что не говори... Андрей Юрьевич закрутил крышку.

– Подготовьте договор с «Сибесто». А макияж у вас оригинальный. Такой... асимметричный.

– Спасибо, Андрей Юрьевич, – прочувствованно сказала я. – Не всякий сможет оценить мою неброскую красоту!

Он предпочёл ретироваться.

Работы было завались, весь день туда-сюда шлялись разнообразные люди, так что с чифом мы свиделись уже ближе к вечеру.

– Как здоровье? – поинтересовался он.

– Апхчи! – проинформировала я.

– Мало налил, – констатировал он.

Я пробубнила, спрятав нос в платок:

– Приду и сразу в кровать. Самое верное средство. А вы держитесь от меня подальше. ОРЗ всё-таки!

Он снисходительно посмотрел на меня. Заявил с достоинством:

– Я никогда не болею!

И, разумеется, сглазил.

Наутро я лицезрела своего начальника чихающим, гундосящим и хрипящим. Я же была уже свежа и прекрасна, как майская роза. Все ОРЗ и ОРВИ у меня как рукой снимает, стоит лишь моему организму наподольше принять горизонтальное положение.

К обеду я робко заикнулась насчёт посещения поликлиники. Чиф попытался пронзить меня взглядом, но из-за слезящихся глаз эффект вышел смазанным.

– Пройдёт!

Всё правильно – дураки умирают по пятницам, а трудоголики – на рабочем месте...

Часам к трём я заглянула в кабинет. Чиф сидел в кресле, закрыв глаза. Лицо его пылало. Все вопросы моментально вылетели у меня из головы. Я подошла и бесцеремонно пощупала его лоб. Определила:

– Тридцать восемь и пять!

Андрей Юрьевич открыл глаза, посмотрел и прижал мою ладонь ко лбу.

– Холодная...

– А вы горячий... – в тон отозвалась я. – Ну-ка, вставайте! Одевайтесь!

Он из-под руки посмотрел на меня, вздохнул и, к моему удивлению, поднялся. Перекинул плащ через руку.

– Куда? – прикрикнула я. – Надевайте!

– Жарко же...

– На-де-вай-те!

И он опять послушался. Не успела я порадоваться обретенной возможности покомандовать собственным начальством, как задумалась – правильно «надевайте плащ или одевайте»? Всё филологическое образование покоя не даёт!

– Идёмте! – я погнала его из кабинета вон. Чиф с тоской глянул на свой осиротевший стол, но повиновался. Сообщая по телефону заму, что начальник отбывает болеть, я увидела, как Андрей Юрьевич вытаскивает из шкафа моё пальто.

– Зачем это?

– Закрываем приёмную, – пробормотал он, пытаясь на меня его натянуть. – Домой.

Да, похоже, у чифа температура зашкаливает – иначе с чего бы он решил меня отпустить пораньше? Но это, по-моему, единственное распоряжение начальства, которое не вызывает у подчинённых никакого внутреннего протеста.

Я с минуту наблюдала, как Андрей Юрьевич пытается вставить ключ в дверцу «бэхи».

– Может, попросить Валеру, чтобы вас отвёз?

Он открыл дверь.

– А, может, вы?

– А? – обомлела я.
– Умеете водить машину?
– Не «БМВ»! – категорически заявила я.
– «Запорожец»?
– «КАМАЗ»! – огрызнулась я.
– Может, попробуете? Как с мотоциклом? – он кинул на меня взгляд и хрипло засмеялся. – Ладно, не будем рисковать! Садитесь.

– Зачем?

– Вы домой пешком собираетесь идти?

А как, вообще-то, обычно ходят? Я могла добраться и на автобусе, как проделываю это практически каждый день... Пожав плечами, полезла в открытую передо мной дверцу. Прокатимся ещё разок, бог троицу любит.

– Вы ещё должны мне инструкции дать, – сообщил Андрей Юрьевич, выезжая на проспект.

– Какие?

– Ну... как лечиться.

– А! – обрадовалась я, разворачиваясь к нему. – Хорошо. Есть у вас дома какая-нибудь травка?

– Травка... анаша? – уточнил он. Я поглядела на чифа. Похоже, вместе с высокой температурой у моего начальника прорезалось и чувство юмора. Интересное сочетание.

– Не знаю, подойдёт ли, – в тон отозвалась я. – Никогда не употребляла. Тем более, в качестве лекарства. Так вот, берёте ромашку, тысячелистник, зверобой или что найдёте...

Чиф, покашливая, слушал, иногда кивал – словом, создавал вид полной заинтересованности. Как позже выяснилось – только вид. Когда он остановил машину, я огляделась и удивилась:

– А мы где это?

– Вон мой дом, – подсказал он. Ну да, с чего я решила, что он довезёт меня – в его-то состоянии. Ничего, сейчас выясню, какой автобус...

Андрей Юрьевич закрыл машину и показал ключами на светящийся зелёный крест.

– Аптека. У меня дома нет ничего такого. Я банкую, а вы берёте всё, что нужно.

Я быстренько перетряхнула аптечные полки и вручила пакетик чифу.

– Держите. Всё запомнили?

Он поднял пакет на уровень глаз, оглядел пузырьки, блистеры и коробочки и сказал убито:

– Честно? Ничего.

– А зачем тогда кивали?

– У вас голос красивый. Слушал бы да слушал... Евгения Александровна! У меня к вам огромная просьба! Поднимемся ко мне, вы всё снова рас-

толкуете, а я законспектирую. Мне в четверг надо быть как огурчик, вы же знаете!

Я переступила с ноги на ногу. Чиф истово прижимал пакет к сердцу и смотрел на меня большими собачьими глазами.

– Ладно-ладно, – проворчала я, – разжалобили! Молоко хоть у вас есть?

– Да-да-да! Еда есть вся. Заодно и поужинаете.

Мы поднялись на лифте – естественно, просторном и не загаженном. Стараясь не слишком пялить глаза на чифовские апартаменты, я начала командовать с порога:

– Переоденьтесь! Кухня где?

Кухня как кухня, видали побольше и поэффектней. Я заварила травку и нырнула в холодильник. М-да... действительно, еда есть *вся*. Я бы с удовольствием проинспектировала содержимое всех этих баночек-коробочек-упаковочек. Кто это его так кормит? Или сам раз в месяц холодильник за-таривает? И когда успевает всё съесть, целыми же днями дома не бывает... Я отыскала молоко, масло, апельсины и крохотную баночку меда.

Чиф приплёлся на кухню, натягивая на ходу майку. Я с трудом заставила себя не пялиться на него – нечестно всё-таки, когда человек в таком состоянии... Но и ему нечестно выглядеть таким сексуальным в старых джинсах и хэбэшной майке! Мой взгляд упал на его ноги.

– Куда с босыми ногами! Быстро наденьте носки!

Он послушно убрёл, а я опять задумалась: оденьте или наденьте? Правильно, однако, пора повторять.

Когда чиф явился снова, я поставила перед ним кружку с молоком и растопленным маслом и медом.

– Пейте!

Он заглянул и скривился:

– Пенка!

– Боже, какие мы нежные! А мы её вот так! Пейте! Горло смягчится.

Он глотнул, покатал во рту, сказал с удивлением:

– Вкусно...

– Угу. Вот, смотрите сюда! Трава. Будете полоскать горло – чем чаще, тем лучше. Аспирин выпьете на ночь. И завтра, если понадобится.

– Может, лучше водки?

– Дело ваше. Может, вам и лучше. Допили? Держите апельсины. Аллергии нет?

– Я же говорил, ничем не болею! – напомнил он капризно.

– Да-да, конечно, сейчас у вас просто воспаление хитрости. Где спальня?

Он вскинул на меня глаза. Так как он затруднённо молчал, я попробовала сформулировать вопрос по-другому:

– Где вы спите? На кровати? На диване? На полу?

– А, – дошло, наконец, что я не собираюсь покушаться на его невинность! – Вон там.

Не стала бы покупать такую квартиру только из-за масштабов уборки. Когда мы, наконец, добрались до спальни, я уже устала нести графин с морсом. Андрей Юрьевич сел на гигантскую кровать и стал смотреть, как я сервирую прикроватную тумбочку.

– Пейте как можно больше, – втолковывала я. – Вот морс, лимонад, можно чай с малиной. Ешьте апельсины – сколько захочется. Есть вообще хотите? Нет? Ну и не надо. Завтрашний день проведите в постели...

– С кем? – проявил завидную реакцию чиф. Больной-больной, а туда же...

– С таким, – буркнула я. – Вы меня поняли? Не вздумайте являться на работу. Не пущу.

– А как же... – начал он.

– А никак! – отрезала я. – Думаете, фирма без вас за день разорится? А вы знаете, какие осложнения бывают, когда температуру переносят на ногах? Нам не нужны слепо-глухие паралитики-сердечники-начальники...

– Запугали, – пробормотал он, падая спиной на кровать. Зря он это сделал, потому что мне тут же захотелось присоединиться. Причём, пожалуй, сверху. Пришлось быстренько перевести взгляд на темнеющее окно. Между прочим, и домой бы уже пора.

– А мама мне в детстве делала горчичники... – внезапно вспомнил он.

– Перцовый пластырь, – твёрдо сказала я. – На грудь.

Чиф дотянулся до тумбочки, покрутил в пальцах коричневый квадрат.

– Это? А как?

О, господи! Я села на кровать и отобрала у него пластырь.

– Майку снимите.

Волос на груди у него было немного – не люблю сильно волосатых мужчин... причём тут твои предпочтения? Думаю, что действовала достаточно ловко. Пригладила кончики пластыря – мышцы на его груди напряглись. Интересно, он от природы такой или качается? Тьфу ты! Я поспешно поднялась. Он сел, трогая пластырь. Вздыхнул:

– И надолго это удовольствие?

– На несколько дней. Вы все запомнили?

Он кивнул.

– Я пошла.

– Уже?

Я притормозила у двери. Чиф сидел на кровати и печально смотрел на меня. Глаза его были совсем больными.

– Да. Поздно уже.

– А вдруг мне станет хуже?

– Температура может подняться, – согласилась я. – Голова болит?

– Раскалывается. И холодно, – он собрал вокруг себя одеяло и натянул на плечи.

– На голову можно компресс – полотенце намочить в холодной воде... – я замолчала. – А, может, позвоните кому-нибудь?

– Кому?

– Маме, например?

– Ну да, тащить её сюда через весь город...

– Лене, – предложила я.

Он так скривился, что я еле сдержала смех.

– А, может, вы останетесь? – осторожно предложил Андрей Юрьевич.

Я онемела. Он поглядел на меня и заторопился:

– Комнат у меня много. Я, как сами понимаете, для вас никакой опасности не представляю... В таком состоянии.

Как будто здоровый он на меня прямо-таки кидается! Кто тут кому ещё опасен... Я перебирала в уме содержимое своей сумки. Косметика, крем, зубную пасту и полотенце он мне выделит. Может, майку какую еще вместо ночнушки...

Стоп.

Стоп, стоп, стоп! Даже самоотверженность преданного секретаря должна иметь свои пределы.

– Нет, Андрей Юрьевич, – сказала я, глядя поверх его головы в окно. – Мне надо домой.

Надеюсь, не слишком извиняющимся тоном. Он помолчал.

– Вызову вам такси.

– Да не надо...

Чиф поднялся, скинул одеяло, прошёл мимо. Позвонил.

Сказал, не глядя на меня:

– Извините за нескромное предложение.

В приступе раскаянья я чуть не бросилась к нему на грудь со встречными извинениями. Снова прошёл мимо, надевая свитер прямо на голое тело.

– А вы куда?

– Посажу вас. Мало ли кто приедет.

Приехавшая не слишком покоцанная «тойота», похоже, удовлетворила его изысканный вкус. Он переговорил с шофёром и открыл передо мной дверцу.

– Спокойной ночи.

– Выздоровливайте, – пробормотала я.

Доехали мы с ветерком. Впрочем, я не замечала дороги, занимаясь непосильной борьбой с угрызениями совести. Ничего, все люди болеют, ещё и тяжелее. Выживет. Завозилась, разыскивая кошелек.

– Я, конечно, не против, – сказал, улыбаясь, таксист. – Только ваш приятель уже заплатил.

Правильно, возмещение морального ущерба. Видеть так близко симпатичного полуголого мужчину – большое испытание для моих истрёпанных нервов!

Я рассеянно кормила вопящего Марса, давая в себе думы о больном чифе: пусть, в конце концов, кликнет свою Леночку! Правда, трудно представить её меняющей компрессы на его воспалённой голове, но вдруг мы все ошибаемся, и под стервозной внешностью скрывается чуткая, заботливая, любящая душа.

Где-то очень, очень глубоко.

Я поглядела в зеркало: а у меня и внешности уже никакой, одна душа и осталась. В общем-то, я, конечно, ещё ничего, – если смотреть на меня в приглушенном свете...

А ещё лучше – в полной темноте.

Телефон зазвонил, когда я уже практически засыпала. Ошибаются ко мне через раз, особенно часто почему-то ночью, поэтому вставать я не топила. Телефон всё не умолкал. Пришлось дошлепать до него, поджима пальцы на холодном полу, и печально проалекать.

Вздых. Потом – сиплый голос:

– Неужели нельзя было позвонить, чтобы я не волновался?

– А? – обалдела я.

– Евгения Александровна? – проконтролировал тот же голос.

– Я...

– Вы нормально доехали?

– Да.

– Почему не позвонили?

– А должна была?

Пауза.

– Нет. Но я думал...

– Морс пьете?

– Пью... А...

– Ложитесь давайте! – сердито скомандовала я. – Сами не спите и другим не даёте!

– Да. Конечно. Извините. Спокойной ночи.

– Угу, – сказала я. Положила трубку и припомнила, что не след покрикивать на собственное начальство. Но он тоже хорош! Он что думает, я храню номер его телефона в рамочке возле своей девичьей постели? Список всех служебных и личных телефонов у меня на работе. Кстати, откуда у него *мой* телефон? А, наверное, вбил в память вместе с кучей остальных...

И вообще, только успокоишься – вечно он откуда-то возникает!

– Как ты относишься к парам с большой разницей в возрасте?

Катка облизала пальцы. Пирожное было настолько воздушным, что крем то и дело норовил вылезти наружу. Вот же молодец – фигура дирижабля с перевязочками в необходимых местах – а никаких комплексов, ест себе всё, что захочется! Ещё и Генка столько лет её замуж уговаривал...

– Я к ним не отношусь.

– И это правильно, – кивнула я, наливая третью рюмку. Все признаки классического «девичника» были налицо: сладенькое-мучное, вино и шоколад. И полное отсутствие мужиков. У меня – по жизни, у Кати – отпускной вечер от семьи. Мы сидели с ногами на моей мягкой мебели и самозабвенно сплетничали о наших общих знакомых, подругах и начальстве. Обсудили способы воздействия на неподатливого Катиного мужа, и – как следствие – перекинулись на мужиков вообще.

Катка подняла рюмку и провозгласила:

– Седина в голову – бес в ребро!

Я сморщилась.

– Я про наоборот!

– А! – сразу сообразила понятливая Катка. – Это как Пугачева и Галкин? Или Кто-там-у-неё-сейчас?

– Или Деми Мур и этот... как его...

– Да тут всё понятно – деньги и слава. Престижно спать со знаменитой бабой!

– Ну и пусть престижно! – упёрлась я. – Ты что о них думаешь?

Катя сделала глоток.

– Ясно же – это ненадолго!

– Можно подумать, ровесникам выдается гарантийный талон на брак до гробовой доски, – с досадой проворчала я. – А ты заметила, у нас вечно двойной стандарт? Если мужик с молоденькой девахой – понятно, «седина в бороду». А если наоборот – рехнулась, старуха, в зеркало на себя посмотри! И ведь бабы первые же накинутся! Наверняка от зависти!

Катка отвела ото рта рюмку и зорко посмотрела на меня:

– Ты что, в молоденького влюбилась?

– Ещё нет, – честно ответила я. – Но склоняюсь.

Катка всплеснула дебелими руками:

– Рехнулась, баба!

– Во-во, и ты туда же!

– Чего тебе, сорокалетних мало?

– Кать. Ты оглянись вокруг. На кого смотреть-то?

– Ну нет, сколько интересных мужиков...

– Где? Покажи хоть одного! С удовольствием полюбуюсь!

Екатерина огляделась, словно ожидая, что «интересный» материализуется прямо у меня в квартире.

– Да стоит только на улицу выйти...

– Ага, – я с готовностью соскочила с кресла. – Пошли!
– Куда? – изумилась Катька, опуская на пол ноги.
– Ткнёшь пальцем в мужика, на которого стоит посмотреть. Найдёшь хоть одного, я тебе пива куплю. Не найдешь – ты мне.

...Всё равно вместе выпьем.

Катька отважно подскочила.

– Ну ладно! Тут у вас кафешка неподалеку. Посидим, и пива тебе искать не надо!

– Кто бы говорил!

Через час сидения в кафе и разглядывания дефилирующих перед нами вечерне-отдыхающих людей мы заработали обострение шейного хондроза, падение зрения и полное душевное уныние.

– Вот посмотри, – кипятилась я, – любая бабенка хоть с какой фигурой и в любом возрасте приодета, намазана, надушена, идёт, спинку держит, а рядом с ней мужичишка никакой, от пьянки кривой, сзади горб, впереди бурдюк, а ведь считает себя великим ей подарком, ещё и на сторону смотрит... гляди-гляди, расплылся! Вали, урод, мы не для тебя!

– Угм, – подавлено подтвердила Катька, всё ещё высматривая в толпе свой «пример».

– Природа – она мудрая, – сообщила я, поразмыслив. – В природе самцы крупнее и красивее, ярче, чем самки. А у нас всё наоборот – дамы перышки чистят, охорашиваются, а самцы выбирают. Разве это справедливо?

– Несправедливо, – согласилась Катя. – Гляди-гляди, какие орлы!

Я поспешно оглянулась на шедших мимо парней.

– Ты что? Им же лет двадцать пять!

– Ну, хоть на кого-то полюбоваться! – сердито возразила Катя. – А может, они все на машины пересели?

– Кто?

– Да интересные мужики твои!

В это время прямо перед нами тормознула иномарка. Из неё, отдуваясь, выполз «интересный». То и дело поддёргивая сползающие с круглого пуза шорты, больше похожие на линялые семейные трусы, прошлёпал мимо нас, позвякивая ключами и деньгами. На переднем сиденье машины блондинистая дама торопливо проверяла в зеркале свой точёный профиль.

Мы с Катькой молча посмотрели друг на друга.

– Ладно, – огрызнулась подруга. – Я – за пивом! И пошли торт доедать.

Мы уже уныло плелись ко мне домой – результаты «экспресс-поиска» меня тоже не радовали – как Катька сварливо заявила:

– А если мужик интересный, так это потому что жена о нём хорошо заботится! Сытно кормит, обстирывает, обглаживает, одевает, в ванну регулярно загоняет!

Ну да. Значит, мне остаются одни бомжи... А что? Отмыть, одеть, от блох избавить...

– Евгения Александровна, хочу с вами посоветоваться.

С этим крайне серьёзным заявлением чиф присел на угол моего стола. В последнее время (то бишь все две недели, которые я на него работаю) меня жутко нервировало, когда он оказывался так близко. Тем более, что происходит это довольно часто. Я сняла и снова надела очки. Произнесла со слабым поощрением в голосе:

– Ум-м-м?

Он взял мою авторучку, покрутил в пальцах.

– Помните, мы говорили, как узнать женщину поближе?

– Да.

– Куда вы посоветуете её сводить?

Я заморгала. Откуда я знаю, что нравится его Леночке? Или... нет, похоже, у него появилась другая. С одной стороны меня это порадовало, с другой...

Собака я на сене!

– М-м-м... – сказала я, прокручивая в голове все известные мне культурно-значные заведения города. – А, может, вы просто у неё спросите? Может, она театр любит, а, может, рулетку. Или танцы.

– А вы танцуете?

– Танцую, пою, шью, вяжу, вышиваю крестиком... – пробормотала я, но этого анекдота он явно не знал. Я показала на середину приёмной. – Ну вы же видели!

Он засмеялся.

– Помню-помню! Это было эффектно.

Эффектно! Видел бы он тогда собственную физиономию!

– Так что... – я с облегчением развела руками. – Ничем не могу помочь. Придется уж вам самому напрягаться.

Он не торопился убраться с моего стола. Я поглядела на часы и начала демонстративно убирать бумаги. Пятница, вечер, между прочим.

– А вы бы куда сами сходили, например, сегодня?

– На «Гарри Поттера», – рассеянно сказала я, выключая кнопку «Пилота». – Только не знаю, успею взять билет или нет...

Вынырнула из-под стола и увидела на лице чифа очень странное выражение.

– На «Гарри Поттера»? – повторил Андрей Юрьевич медленно. Я подумала, он не знает, кто это такой, и на всякий случай пояснила:

– Очередного.

– Вы идёте сегодня на «Гарри Поттера», – заморожено сказал он. И только тут до меня начало доходить, какого дурака я свалила. Нет, чтобы

сказать, что направляюсь в шикарный данс-клуб или в казино – просаживать свою секретарскую получку. Я упёрла руки в боки и сердито уставилась на Андрея Юрьевича.

– Да, у меня интеллект на уровне моих племянников! Нам часто нравятся одни и те же вещи! И что? А вы хоть знаете, кто такой Поттер?

– Он летает на метле? – рискнул чиф.

– В квиддич он играет! – поправила я.

– Даже боюсь спрашивать, что это такое, – пробормотал он. – Вы одна идёте?

– Да нет...

– Да или нет?

– Там будет куча народа, только никто из наших не удосужился взять билеты. Договорились идти на авось.

– Ясно, – он встал и пошёл в кабинет, бросив, – подождите, не уходите.

Не уходите! Так и в кино можно опоздать! Подкрашивая губы, я кивками прощалась с уходящими работниками – интересно, а куда *они* идут в пятницу вечером? Решительно закрыла сумку и направилась к начальнической двери.

– Андрей Юрьевич?..

– Идёмте, – бросил он, выходя навстречу.

– Ага, – согласилась я и только на лестнице сообразила спросить: – А куда?

– Я заказал билеты, – сообщил он. – На «Гарри Поттера». Мы успеваем.

Похоже, нет, потому что на меня напал столбняк. Я в оцепенении смотрела на чифа.

– Вы идёте на Поттера? – переспросила слабым голосом.

– МЫ идём на Поттера, – поправил он.

– Но вам же неинтересно?

– Не усну, пока не узнаю, что такое квиддич, – он посмотрел на меня и сказал почти жалобно: – Евгения Александровна, садитесь уже в машину. Мы опаздываем.

А кто в этом виноват? Я привычно уже шлепнулась на переднее сиденье.

– Можно, я в кино буду называть вас Женей? – спросил он, заводя машину.

– Запросто, – по-прежнему заторможено согласилась я, забыв напомнить, что в кино обычно смотрят фильм, а не ведут светские беседы – а то он явно не в курсе...

Чиф крутил головой, как человек, впервые попавший за границу. Запуская руку в мой поп-корн, глазел на клубящийся в холле народ.

– Сколько людей в кино, оказывается, ходит!

– Что, давненько не были?

– А зачем? – рассеянно отозвался он. – Только время тратить. У меня домашний кинотеатр есть.

Я поспешно закинула в рот горсть поп-корна, чтобы задушить в корне ядовитый вопрос – и как же это он решился потратить сегодня свое столь драгоценное время?

– Женья! Же-ня!

Я оглянулась. Ко мне спешила парочка Сергеевых – вернее, трио – у Иры в рюкзачке восседала полугодовалая дочка. Я приветственно ущипнула дите за гладкую щечку – эх, мне бы такую кожу!

– Вы на каком ряду?

– Пятом. А вы?

Все трое с любопытством смотрели на чифа.

– Мы на каком? – тоже обернулась я.

– Десятом.

– Это Андрей Юр...

– Андрей, – сказал он, пожимая руку Димке. – Что, всей семьей ходите?

– Ага, – сияя, сообщила Ира. – Уже на третий фильм идем. Ну ладно, мы пошли! Её ещё покормить надо.

Чиф смотрел им вслед.

– Бабок-дедок нет, – объяснила я. – На няnek денег нет. Зато потом могут с чистой совестью заявить ребенку, что все эти фильмы она уже видела.

– Мороженого хотите?

– Ага.

Он умчался в сторону бара. Я немедленно полезла за зеркалом – проверить себя на предмет соответствия. В нём отразилась растрёпанная я и подвалившая ко мне компания парней.

– Ну и что это должно означать? – сурово спросила я. – Зачем вы мне уже полчаса страшные рожи корчите?

– Это мы так здоровались!

– Скажите спасибо, что у меня нервы крепкие. Другую от такого здоровканья уже паралич бы разбил с перепугу!

– Между прочим, – скептически заметил Ромка, – могла бы себе кого и получше найти.

– А этот-то тебе чем не угодил?

– Сильно лощёный. Богатый, наверно?

– Мой начальник.

– А-а-а! – одновременно протянули приятели.

– Что «а-а-а»? – возмутилась я. – На меня что, одни бомжи должны клевать?

– Я же тебе говорю, подожди, заработаю свой первый миллион...

Я вздохнула.

– Тогда мы с тобой сойдемся только в доме престарелых. А то и вообще на том свете.

– Слушать мне это очень обидно, Женечка...

– Жень, да брось ты этого своего, пошли на наш ряд! Мы тебе мороженого купим!

Я опять вздохнула:

– Заманчиво! Кто успел, тот и съел. Мне уже покупают. Так что – занимайте свои места согласно купленным билетам!

– Ну, пока. После кино сразу не убегай, – длинный Роман наклонился и чмокнул меня в щеку. Я и моргнуть не успела, как на меня обрушился град поцелуев с трёх сторон. Уходя, парни оглянулись и радостно заржали – сзади меня стоял чиф с мороженым. Я исподтишка показала им оба кулака и заулыбалась Андрею Юрьевичу... ах, просто Андрею.

– О, крем-брюле! Как вы угадали? Спасибо.

– Идём? Уже пускают.

Андрей уселся, подёрнув брюки на коленях. Огляделся и сказал удивлённо:

– Неплохо...

Я лизнула мороженое.

– Поди, последний раз еще при Союзе ходили?

– Угадали. На мультики.

– Сейчас мультики пороскошней будут. Японское аниме видели?

Он пожал плечами:

– Мультфильмами давно уже не увлекаюсь. Вырос.

– Ну и зря, столько себя лишаете... А как вы вообще развлекаетесь?

Чиф покосился на меня насмешливым карим глазом.

– Хожу с вами на «Гарри Поттера». Что это за детский сад?

Я огляделась. Сеанс вечерний, и детей в зале было мало.

– Где?

– В холле с вами заигрывали.

Я обиделась.

– И вовсе они не детсад! Ненамного моложе вас, между прочим!

Чиф вдруг замолчал. Мы сосредоточенно просмотрели рекламу очередного супербоевика, потом свет зажегся ненадолго, чтобы впустить опоздавших. У Андрея Юрьевича опять заголосил сотовый. Он сказал: «да-нет-пока». Я покосилась – не с Леночкой ли так содержательно побеседовал? Мне вовсе не улыбалось смотреть фильм с таким звуковым сопровождением. Чиф перехватил мой взгляд и отрапортовал, помахав телефоном:

– Перевел в режим вибрации!

Зал ахал, смеялся и комментировал. Чёрт знает чем, но ведь задела же чем-то Роулинг такую уйму народа! Я пару раз от полноты чувств заехала локтем чифу в бок, прежде чем вспоминала, кто на этот раз со мной рядом.

Спасаясь от моих толчков, он, в конце концов, съехал на сиденье и смотрел на меня больше, чем на экран. Опасался.

После сеанса мы ещё долго толпой торчали у кинотеатра, комментируя расхождения с книжкой, новых актеров и что кому понравилось-не понравилось. Наконец, «детные» вспомнили о существовании своих не спящих голодных детей (на мой взгляд, очень этим довольных, вон как вокруг прыгают!), «парнокопытные» – что сегодня свободный вечер, который следует провести с пользой и удовольствием, а одиночки – что все бары и танцзалы ждут их... Мы, как ни те, ни другие и ни третьи, остались вне основных течений. Последний раз кивнув на последнее «пока», чиф повернулся ко мне.

– У вас полгорода знакомых?

– Не-ет, – с сожалением признала я. – Только треть сегодняшнего кинотеатра... Ну и как вам? Совсем не понравилось?

Андрей почесал бровь, оглянулся, наклонился к моему уху и прошептал:

– Понравилось!

Засмеявшись, я подняла руку:

– Никому об этом не скажу, клянусь!

– Обеспечите кратким пересказом предыдущих серий?

– Прямо сейчас?

Чиф огляделся и опомнился:

– Поздно уже?

Я пожала плечами – десять вечера в пятницу поздними не бывают... Но чиф уже достал ключи, «бэха» приветственно мигнула и квакнула. Мы молча уселись в машину. Андрей положил руки на руль и задумался. Не уверенно посмотрел на меня:

– Может, где-нибудь поужинаем?

Интересно, чего он больше боится – согласия или отказа? Вопрос решил мой пустой живот. Услышав родное слово «ужин», он приветственно заурчал. Я перевела:

– Желудок голосует «за». Куда едем?

Он опять задумался. Я почти слышала его мысли – куда бы податься, чтобы нас не засекала его Леночка? Я вздохнула:

– Может, в «Аквариум»?

– А что там? – подозрительно поинтересовался чиф.

– Темно там, – объяснила я вполне доступно.

– Почему?

– Потому что там стриптиз.

– Да? Какой? Женский?

– Смэшанный...

– И часто вы ходите на стриптиз? – не отставал чиф.

– С вами – в первый раз, – честно сказала я. – Вы ещё скажите, что никогда там не были!

Андрей качнул головой:

– Ну что вы! Даже не слышал!

– Теперь даже увидите, – пообещала я.

Для человека, ни разу не бывавшего в «Аквариуме», довёз он нас удивительно точно.

– Хоть бы для приличия адрес спросили, – проворчала я, вылезая. Чиф молча блеснул взглядом.

Вечно забываю про ступеньку при входе в зал – кто бы для меня объявление специальное повесил: "Женя, разуй глаза! Ступенька!» Вот и теперь, ухнув в пустоту, я прилегла в очередной раз на пол – хорошо хоть, не плиткой вымощен, а половым покрытием! Андрей подхватил меня под локоть.

– Не ушиблись?

Голос его слегка дрожал – вряд ли от испуга за мое здоровье. Представляю, какие ему с тылу открылись виды! Потирая коленку, я бурчала:

– Меня уже за вредность тут должны кормить бесплатно!

– Вон свободный столик, – сказал Андрей, предусмотрительно подстраховывая меня под локоть.

Он заказал мне бутылку красного, себе – минералку (мамочки родные, ещё и правила дорожного движения соблюдает, цены ему нет!), какого-то мяса и салатов. Хорошо, что сразу принесли хлеб, который я принялась щипать, чтобы не умереть с голоду. Народ вокруг курил, но вытяжка пока работала нормально, это к утру будет не продохнуть... Я стянула пиджак, кинула на спинку стула. Чиф скользнул по мне глазами и увёл взгляд в сторону. Я запоздало вспомнила, что не надела сегодня лифчик – под обтягивающей белой маечкой очень заметно. Ну и пусть смотрит. Видел он наряды пооткровеннее... и вообще без нарядов.

Подлил ещё вина. Я честно предупредила, что на голодный желудок пьянею быстро.

– Вы не буйная? – встревожился чиф.

Я хмыкнула:

– Вот вы мне потом и расскажете... Ага, начинается!

Пара стриптизёров, видимо, занималась раньше спортивными танцами: очень ловко и профессионально исполнили несколько акробатических этюдов, по ходу дела деловито освобождаясь от одежды. Мальчик меня ничем не поразил, девочка была спортивной, с хорошей крепкой грудью и подтянутыми бедрами.

Блюм-блюм... парочка сбежала, подобрав манатки. Погас свет, а когда вновь зажётся, на круглой сцене обнаружались две девахи классической окраски: блондинка и брюнетка. Они раздевали друг друга, изображая

томление и мотая туда-сюда длинными, «навощено» сиявшими гривами. Когда из одежды остались только эти самые гривы и крошечные трусики, дивы двинулись в зал. Жертвами были выбраны сидевшие за ближним столом парни в одинаковых белых свитерах (спортсмены, что ли?). Девушки извивались вокруг, забрасывали ноги на их широкие плечи и бычьей шеи. Один из полупридушенных, пошедший красными пятнами, лихорадочно совал деньги в красные трусики брюнетки: интересно, какими купюрами?

Я поглядела на чифа – тот потягивал минералку. В полумраке его глаза блестели.

– А вам кто больше нравится? Блондинка или брюнетка?

Андрей посмотрел на меня.

– Рыжая.

Я продолжала любопытствовать:

– А приятно, когда закидывают ногу на плечо?

– Смотря, кто и смотря, где...

Так. Не будем развивать. Тем более, декорации вновь сменились. Теперь выскочил одинокий белообрый парень, довольно быстро разделся и тоже пошёл в народ. Наклонился к одной девахе – та поспешно закрылась от него обеими руками. Подошёл к следующей, закинул её ногу себе на плечо (интересно, как бы этот трюк он проделал с моей узкой юбкой?) Погладил, отпустил и свободно запрыгнул на соседний столик. Потоптался среди бутылок и бокалов, поулыбался хозяйкам стола идиотской улыбкой «самого себе неотразимчика» и спрыгнул.

– Приятного аппетита, девочки, – вполголоса пожелала я соседкам: те с недовольным видом сметали букетом пыль, оставленную босыми подошвами стриптизера. М-да... и это должно меня возбуждать?

Следующая пара парней была в арабских бурнусах. Или в чём там ещё? Ну, все поняли – замотаны с головы до ног. «Арабы» освободились от одежды энергично, но практически безрезультатно, потому что под снимаемым слоем обнаружился следующий.

– Да когда же это закончится? – спросила я с досадой. – Луковицы какие-то! Сто одежек и все без застёжек...

– Что, не терпится? – поддел чиф. Он сидел, откинувшись на спинку стула, и поглядывал то на меня, то на сцену. По-моему, на меня гораздо чаще. Наблюдал за реакцией, надо полагать. Арабы остались уже в одних белых платках и золочёных лепестках-плавочках. Я заморожено следила за приближавшимся к нам: гибким, блестяще-смуглым, поверх белой повязки сверкают выразительные чёрные глаза...

Ох, блин!

Заслонив лицо рукою, я шёпотом сказала чифу:

– Меня нет!

Он удивился, открыл рот – и замер. Круг света выхватил нас из темноты, позолотив каждую волосинку на моей руке и на смуглой руке, взявшей меня за запястье. С секунду я ещё упиралась, потом решила, что это смешно, поднялась, кинув отчаянный взгляд на Андрея: а так всё хорошо началось – кино, мороженое...

– Убью! – шёпотом пообещала я арабу. Глаза его смеялись. Нас – меня и вторую жертву, молоденькую девчонку – вывели на сцену. Я слепо, как сова, моргала на яркий свет. Пальцы араба, стоявшего за спиной, скользнули по моей шее, покрутив цепочку, замерли на вырезе майки. Я проскрипела сквозь зубы, оскаленные в улыбке свету и невидимым зрителям:

– Тормози по-хорошему!

Пальцы дразнище скользнули вдоль выреза, двинулись вверх и взерошили мои волосы. Судя по нервному смешку девушки, у соседней этим дело не ограничилось. «Мой араб» избрал другую тактику – он вился и кружился, скользил по мне и вокруг моих ног, невесомо касаясь – даже не тела – одежды. Я представила, как стою столбом – красная, мокрая, с вымученной улыбкой, а тут ещё заиграли мелодию, пригодную для танца живота: да какого, собственно говоря, чёрта!

Народ свистел и хлопал. Под утихавшую музыку араб довёл меня до места, я то ли села, то ли шлёпнулась на любезно подставленный им стул. Поцеловал мне руку, послал поверх моей головы ослепительную улыбку чифу – и упорхнул. Не глядя на соседа, я схватила бутылку, решительно налила себе полный бокал, опустошила и поставила со стуком. Андрей сидел, навалившись на стол. Пристально меня разглядывал.

– Да! – свирепо сказала я. – Да, он мой знакомый! И – нет, стриптизом я не занималась и в этой жизни уже не собираюсь! И... что ещё?

– Я вас ни о чём не спрашивал.

– А я тогда вам ничего и не говорила!

– Ешьте, – негромко указал чиф. – Принесли горячее.

– А? Да... хорошо, – я слегка растеряла свой боевой пыл. Аппетит, правда, не потеряла. Не то, что Андрей Юрьевич – тот даже для вида не ковырялся в своей тарелке. Только допивал вторую бутылку минералки. Сушняк, что ли, замучил?

– У вас действительно полгорода знакомых!

– Меньше, – сообщила я, жуя мясо. – Я же не виновата, что они расползлись повсюду, как тараканы!

– А вы с ним смотрелись, – нейтрально сказал чиф, наливая следующий бокал минералки. – Вы с ним...

Я затрясла головой:

– Три раза «нет»! Женат, двое детей. На работе характеризуется положительно...

Оставалось добавить: «истинный ариец».

– На работе? – чиф кивком указал на сцену.

– А, нет, не на этой. Это так, подработка. И вообще я Юрку пристрелю! Это он специально – наверное, высмотрел меня перед выступлением, паразит!

– Ну, не надо, – возразил чиф. – У вас хорошо получилось.

– Правда? – не поверила я, подымая голову от тарелки. Чиф смотрел по сторонам и гонял по столу пустой бокал.

– Правда, – отозвался, по-прежнему разглядывая неведомые дали. – Соседи даже предположили, что вы «подсадная утка».

Кря-кря. Хорошо хоть, не курица. Я сыто и как всегда запоздало вспомнила, что пищу следует жевать подолгу, а не заглатывать целыми кусками – какой бы ты ни был голодный. Очень актуально для тех, кто стремительно приближается к среднему возрасту.

Поглядела по сторонам. Народ вокруг всюю танцевал. Интересно, а пригласить чифа будет уже верхом нахальства? Ведь этого он делать явно не собирается. Нет, похоже, на сегодня я уже своё оттанцевала...

Я демонстративно поглядела на часы и всполошилась по-настоящему:

– Ой, уже час! Марс, наверное, всех соседей уже на уши поставил!

– А кто у нас Марс? – осведомился чиф, неспешно подымаясь и слегка потягиваясь. Всё же сидячая работа, а гляди – ни жиринки, не слабинки... Или возраст ещё не подошёл?

– Кот у нас Марс, – сообщила я, натягивая пиджак. – И когда эта чёртова скотина голодная, вопит, как иерихонская труба. А я забыла ему с утра «Вискасу» сыпануть... Да шевелитесь вы!

Он, невозмутимо улыбаясь, расплатился, взял меня за локоть и повёл к выходу.

– Вы кого больше боитесь – кота или соседей?

Я поёжилась: чтобы было слышнее в грохоте музыки, он говорил в самое моё ухо – ещё миллиметр, и коснётся губами...

– Соседки. Кот что – пообижается часок и забудет, а соседка будет год поминать-отчитывать. А у меня воспитание не позволяет послать пожилого человека... и не пожилого тоже...

– Ступенька! – вовремя предупредил чиф.

Я на рысях обежала вокруг машины, плюхнулась на сиденье и скомандовала:

– Вперёд!

– Йес, мэ, – почтительно сказал чиф, усаживаясь за руль. – Как скажете, мэ.

Спохватившись, я пошлепала себя по губам. Командую начальником, как последним «погонялой»!

– Ой, простите! Субординация и ещё раз субординация! Это я себе установку даю.

Вылетев у своего подъезда из машины, я понеслась через ступеньки, забыв попрощаться и даже захлопнуть дверь «бэхи». По-моему, точно на таком же автопилоте чиф последовал за мной. Я бормотала, вставляя ключ в замок:

– Сейчас, маленький, сейчас, рыженький...

Андрей прислушался, наклонив голову.

– По-моему, тихо.

– Притаился в засаде, – убеждённо сказала я.

Проклятый Марс благонаравно спал в кресле. Он раскрыл сонные глаза, зевнул во всю хищную пасть и приветственно мя-якнул. Я кинула загремевшую связку ключей на тумбочку. Сказала обвиняюще:

– Ну вот!

– Молчит, – констатировал чиф за моей спиной. Я оглянулась – он заглядывал в квартиру, оперевшись обеими руками в косяки.

– Заходите уже, – с досадой пригласила я. – Вот так всегда! Несёшься со всех ног, а он спит себе... Да заходите же!

– Можно, да? – спросил Андрей неуверенно. Перешагнул порог. Марс немедленно оживился: спрыгнул с кресла и, задрвав хвост, пошёл знакомиться. Чиф поддёрнув брюки, присел, погладил кота по круглой башке.

– Ах, ты ж... зверюга...

Марс обнюхал его, потёрся и громко заурчал, когда Андрей сгреб его в охапку. Вот чёрт, подумала я с досадой, он ещё и этот тест прошёл. Любит домашних животных. И за что мне такое наказание?

Чиф нога за ногу стянул свои туфли и прошёл вслед за мной в комнату. Я включила магнитолау. Диджей немедленно поздравил меня с моим хорошим вкусом – слушаю «Апекс-радио» в два часа ночи.

– А как же ваша Марья Ивановна? – поинтересовался чиф, разглядывая мои хоромы.

– Какая Марья Ивановна?

– Соседка ваша?

– Зовут её, между прочим, Элжбета Фридриховна, – гордо оповестила я. – А музыка ей не мешает, у неё спальня с другой стороны.

Чиф, почёсывая Марса за ухом, всё озирался. Я попробовала взглянуть на свою квартиру глазами постороннего. Ничего интересного. Двухкомнатная «хрущоба», доставшаяся мне от бабушки. Одна стена полностью занята книжными стеллажами – на книги у меня хватало денег и в самые трудные времена. Чисто, но не стерильно, по домашнему хозяйству не ма-няччу. Цветы начала разводить недавно – и они у меня с какого-то перепугу неожиданно попёрли, хоть продёргивай... чем, впрочем, Марс и занимается успешно. Одна знакомая так охарактеризовала моё новое увлечение: «Если потянуло к цветочкам – значит, к старости дело». Права, наверное.

– Ещё заведу фикус, – сообщила я чифу. – И канарейку. Или кто там полагается по статусу? Болонка?

– По какому статусу?

– Для полного имиджа старой девы. Кофе будете?

– Что? Буду. И вовсе вы не старая, – сказал он мне в спину.

И не дева, чуть не откликнулась я. И мысленно подала его реплику: «А чем докажете?». Тьфу на тебя, старая греховодница! То есть – зрелая. Но греховодница...

Первым на кухню явился Марс, за ним, как за Сусаниным – Андрей Юрьевич. Я сыпанула Марсу «Вискасу», но прохиндей сел посередине кухни и стал выжидать чего вкуснее.

– Нету колбасы, нету, понял? – бурчала я, то и дело спотыкаясь об него. – Шёл бы ты, Марс...

– А давайте, я съезжу? – предложил чиф, стоявший, опершись рукой о косяк. Интересно, у него от природы все позы красивы, или он их специально по утрам перед зеркалом отработывает вместо зарядки?

– Куда? – не поняла я.

– За колбасой для Марса. Где тут ближайший круглосуточный магазин?

– Рехнулись... ой, извините! Это он просто меня измором берет. Сядьте, уже, наконец! Вы точно есть не хотите?

Он подумал, словно прислушиваясь к своему желудку. Поднял глаза и сказал с удивлением:

– Хочу!

– Угу, – отозвалась я, кляня свой язык. И чем я, скажите, пожалуйста, должна его кормить? Чего ему в «Аквариуме» не елось?

– А что будете? – спросила, выигрывая время.

– Огласите весь список, пожалуйста, – чиф сел за стол, и Марс немедленно запрыгнул ему на колени. Если б он меня так гладил, я бы ещё громче замурлыкала!

– Есть, – я заглянула в кастрюлю, – борщ. И котлеты. Будете?

– Буду, – твёрдо сказал Андрей. – Всё буду.

– Идите тогда руки мойте.

Он ушёл в ванную. Я спохватилась: там висело моё выстиранное бельё. И добро бы парадно-выходное, шёлково-кружевное, а то хэбэшное носешное... ну-у, кто о чём, а вшивый...

Уплетал борщ за обе щёки – любо-дорого смотреть! Да, супы он явно себе не варит. Готовое в микроволновку, а потом – в желудок. Ага, поплачь ещё над тяжкой голодной судьбой молодого успешного мужчины!

Доев, сказал бодро:

– Очень вкусно, спасибо! Давайте я взамен кофе сварю.

Я пожала плечами. Варить *вообще* и кофе в частности я не люблю. Андрей снял пиджак, огляделся и уволок его в прихожую. Там – наверняка – надел на плечики. Пришёл, огляделся и хлопнул в ладоши:

– Так! И где у вас что?

Подперев щеку рукой, я наблюдала, как он сосредоточенно колдует над плиткой. Есть что-то завораживающее в мужчинах у плиты или возящихся с маленькими детьми. Наверное, то, как они контролируют в такие моменты свою силу...

– Опля! – он ловко выставил передо мной чашку с аппетитной коричневой пеной. Понюхав и попробовав, я возмутилась:

– Вы варите кофе лучше меня! Почему это я должна подавать его на работе?

– Потому что я – босс! – сообщил он. – А босс звучит гордо!

– Босс юбер аллес!

– Да, – согласился он. – Так что не могу я на работе женщинам кофе подавать...

– Только коньяк, – откомментировала я.

– ...только дома...

– И только в постель!

Если после всех моих ляпов прикусывать язык, я бы давно уже без него осталась. Чиф задумался. Я постаралась улыбнуться ему как можно быстрее: ладно, не кручинься, парень, это не намёк и не предложение! Попыталась свернуть со скользкой дорожки:

– А вы всегда хотели быть начальником?

Он опять подумал. Я заметила, что он всегда думает при ответе на мои вопросы – даже самые дурацкие – точно каждый раз боится попасть впросак.

– Я просто хотел, чтобы никто не отдавал мне idiotских приказов. И чтобы мне не приходилось выполнять эти приказы, только потому что я подчинённый... А что это вы так улыбаетесь? Я уже отдавал вам idiotские распоряжения?

– Ну... гораздо реже, чем в других местах, – успокоила я.

– Н-да? А вы всегда хотели быть...

– Секретаршей? Не-а. Понимаете, я просто работаю, чтобы жить.

Чиф кивнул с легким удивлением.

– Как и все.

– Не все. Вот вы, по-моему, живете, чтобы работать.

Он помолчал.

– Мне нравится моя работа. Мне нравится, что я сделал. И у меня есть ещё идеи, которые я обязательно реализую. Но это вовсе не значит, что я живу одной работой...

Я пошла доливать себе кофе.

– А чем вы ещё живете?

Пауза.

– Ну, я не могу так сразу...

– Давайте не сразу. Вы пьете?

Он моргнул.

– А что?

– Ладно, сформулируем по-другому. Напиваетесь с друзьями по выходным, в бане, или просто потому что устали?

– Когда я устаю, я ложусь спать.

– Ну, просто нечеловеческий подход... – пробормотала я. – То есть, не пьете?

Чиф как-то испугался.

– Почему? Пью. Просто я знаю свою норму.

– Можно пожать вашу мужественную руку? – сердечно спросила я и успела пожать, пока он пребывал в недоумении. – Все её знают, только никто не соблюдает. А, может, вы книги читаете, или журналы?

– По работе?

– Ясно. Ходите куда-нибудь?

– Куда?

– Ну, стриптиз мы, конечно, отмечаем, – пробормотала я, чиф тонко улыбнулся. – Может, у вас хобби какое-нибудь есть? Собачек разводите, кактусы там выращиваете, в компьютерные игры играете, стихи пишете?

– Не играю, не развожу, не пишу, собаку заведу, когда будет побольше времени...

– То есть, в глубокой старости? Семьи у вас пока нет, страстной любви, извините, конечно, тоже не наблюдается...

– И что? – по-моему, он начал заводиться. – Вы считаете, я такой однобокий?

Я развела руками.

– Я считаю, что вы просто трудоголик. Это диагноз.

– Зато вы не знаете, что значит любить свою работу! – заявил Андрей.

– Раздавлена, – сказала я. – Убита наповал.

– Я серьёзно!

– Я тоже. Я где-то читала, что счастье – это когда утром хочется идти на работу, а вечером – домой. Так что я тоже однобокая, успокойтесь.

– Я и не нервничал.

Ну-ну. Между прочим, я впервые заметила, что он вышел из себя. Интересно, можно считать это своим маленьким достижением?

Пришёл Марс, вспрыгнул на табурет и начал гипнотизировать нас светящимися жёлтыми глазами.

– Кофе ещё будете?

– Буду... я сварю! – он сорвался с места. Встал у плиты боком, чтобы видеть меня. – А как получилось, что вы...

Я хмыкнула.

– Говорите-говорите, кусаться не буду!

– ...замуж не вышли? – он быстро глянул на меня и устался на вызревающую в джезве пену.

Я пожала плечами.

– Так получилось.

– Я думаю, – сообщил Андрей джезве, – что свою жизнь мы делаем сами.

Я покивала.

– Точно. Пока не встретит тебя маньяк в подворотне... Да не озадачивайтесь вы так! Не было у меня никакой великой безответной любви. И коварный соблазнитель меня не бросал. И к мужчинам я отношусь хорошо... по большей части. И замуж меня звали.

– Так в чём же дело? – он сосредоточенно переливал кофе в чашку.

– А ни в чём. Вы, наверное, думаете, что все... м-м-м... холостячки – несчастные, озлобленные, обделённые жизнью неудачницы, рыдающие ночью в подушку? Ох, какой кофе, спасибо!

– Пожалуйста. А разве нет?

– А вот женщины думают, что если мужик в тридцать лет ещё не женат, у него какие-то... – я невинно улыбнулась ему в лицо, – какие-то проблемы. У вас проблемы, Андрей Юрьевич?

Он опять ошетинился.

– Нет у меня никаких проблем!

Ох, что-то мы сегодня пытаемся играть друг для друга роль психотерапевтов – слонов в посудной лавке. В голове от кофе было пусто и звонко. В студенчестве во время сессии мы принимали кофеин бензонат – просто раскалывали ампулы и выпивали. Тогда спать тоже не хотелось совершенно, но и никаких умных мыслей не появлялось... Как и сейчас.

Я мельком глянула на часы, потом, не веря, – снова:

– Полчетвертого?!

– Да? – не поверив, он тоже оглянулся. – Вот это сходили на Гарри Поттера! А я-то собирался ещё завтра... в смысле – сегодня – поработать!

Я насторожилась:

– Вы хотите меня сегодня выгнать на работу?

– Н-нет... – подумал и добавил мужественно. – И сам не пойду.

– Да быть такого не может!

Андрей поднялся с табуретки.

– Ну, наверное, пора...

Вышло это у него вопросительно. Я промолчала, и он сказал – бодрее:

– Пора!

Мы с Марсом провожали его. Чиф обулся-оделся, без особых затруднений открыл замок, вышел и поглядел на меня:

– Ну, целоваться мы сегодня не будем...

А когда же?

– Я разочарована, – сообщила я и сделала ему ручкой. – Спасибо за неожиданный вечер.

Подумала и добавила:

– Ночь.

Спохватилась, открыла рот, и чиф закончил:

– Утро. До завтра.

– Ага, – я покивала и насторожилась. – До какого завтра?

Он мотнул головой:

– В смысле – до понедельника. Пока, Марс. В следующий раз принесу тебе какой-нибудь «Вискас».

Дверь неслышно закрылась. Я поглядела на кота. Кот поглядел на меня.

– Марс, – сообщила я, – Андрей Юрьевич собирается придти к тебе в гости!

Чиф позвонил в субботу к вечеру.

– Выспались?

Весь день я провалялась с книжкой, то и дело впадая в дремоту.

– Ага. Почти.

– Мою машину обокрали, – сообщил Андрей Юрьевич трагическим голосом.

Я подавилась неоконченным зевком и речитативом выдала название знаменитой передачи:

– Что?! Где? Когда?

– Мою машину обокрали, – обстоятельно, по пунктам, объяснил чиф. – Сняли фирменный значок. Возле вашего дома. Сегодня ночью.

– Что сняли? – ошалело переспросила я.

– Фирменный знак «БМВ» на капоте. Видели – белый с синим?

Я помолчала, изо всех сил борясь с подступавшим смехом. Смех пересилил, и я фыркнула прямо в трубку.

– Это что? – с подозрением спросил чиф. – Рыдания?

Я захохотала во весь голос:

– Ой, не могу! Обокрали! Ограбили!

– Да что смешного?! – с досадой спросил чиф.

Я вытирала слезы. Выдавила, похрюкивая в трубку:

– Простите, Андрей Юрьевич, я понимаю, у вас горе и все такое... Я просто представила, что кто-то сам решил собрать «БМВ»... и начал с вашей блямбы... О-о-ой, я не могу!

Чиф оказался на диво терпеливым. Он молча выслушал все мои стоны, стенания и фырканы. Наконец, прорывавшись, я вспомнила, что машина – едва ли не самое важное в жизни мужчины – и решила проявить запоздалое участие:

– А что же ваша сигнализация не сработала? Окна выходят во двор, мы бы услышали...

– Да не включил я её! – с досадой сказал чиф.

Я так поразилась, что даже перестала подхихикивать.

– Как не включили?

– Так. Забыл.

– Как забыли?

Тяжёлый вздох.

– Совсем вы мне голову задурили с вашими Поттерами и вашим стриптизом!

Поттер-то был как раз его, но я не стала настаивать и только заметила кротко:

– Стриптиз не мой.

– Что?

– Это вы пригласили меня поужинать. А стриптиз я не показывала.

– Ну и зря! – заявил он неожиданно.

– А?

– Чем занимаетесь?

– Ем конфеты. Лежу на диване. Смотрю телевизор. Читаю книжку, – добросовестно перечислила я.

– А Марс?

Я поглядела на Марса. Марс лежал кверху пузом на своем любимом кресле. Дрых.

– Спит и видит сны про обещанный «Вискас».

Андрей Юрьевич молчал, и я на всякий случай поискала в своих словах какой-нибудь намёк. Намёк был. И ещё какой толстый. Тьфу ты, пропасть!

– А вы чем занимаетесь? – побыстрее спросила я.

– Мою машину.

– Привет ей от меня большой. Передайте, что мы скорбим вместе с нею.

– До свидания, Евгения Александровна, – холодно сказал чиф. – Рад был вас развеселить.

А уж мы-то как рады!

– Пока-пока! – сказала я загудевшей трубке. Интересно, а своей Леночке он сообщил про потерю жизненно-важной детали от своей драгоценной «бэхи»?

– Евгения Александровна!

– А?

Я сонно прищурилась на часы: полдевятого утра. Наш чиф был уже бодр и свеж, как зелёный огурец. На месте начальнических подружек я бы давно его уже убила – будить человека спозаранку в законный выходной! Какую ещё бумажку он потерял?

– Хотите берёзового соку?

– Что? – я сморщилась от умственных усилий.

– Берёзового соку. Ландышей. Шашлыков.

– Что, всё сразу? – я села на постели.

– Да. Поехали в лес?

– Куда-куда?

– В лес.

– Какой лес?

– Ну-у, не знаю... Берёзовый, наверное. Или сосновый, но чтобы берёзы были. Какой хотите.

Я спустила ноги с кровати. Спросила подозрительно:

– А вы где?

– У вас под окнами. Поехали, а?

– Что это вам в голову взбрело? – я встала, прошлёпала к окну и приоткрыла шторы. Действительно, посреди двора полыхала чифовская «бэха». А сам чиф стоял возле с «трубой» в руке и смотрел на мои окна. Помахал приветственно. Я шарахнулась обратно.

– Так я поднимаюсь? – спросил Андрей Юрьевич деловито.

– Не так быстро! – простонала я. Мозги ещё не проснулись, но уже получили хорошую встряску. Какая женщина хочет, чтобы её застали вот так врасплох: неумытой-непричёсанной-ненакрашенной? Чиф терпеливо ждал. Я решила: – Входите, я открою дверь. Я буду в ванной.

– Это приглашение? – улыбнулся он в трубку и отключился.

Я галопом кинулась открывать замок, потом – в ванную. Включила душ, прислушиваясь. Кажется, стукнул дверью... Я обдала себя горячей водой, потом, слабо взвизгнув, – ледяной. Ожесточённо растёрлась полотенцем. Быстро расчесалась, накрутила глаза; веки отекали, вот и хватит чай глыкать на ночь... Огляделась и сообразила, что не захватила с собой даже халата. Интересно, как отреагирует чиф, если его секретарша прогарцует перед ним в чём мать родила? Я намотала на себя длинное полотенце и осторожно, на цыпочках, выскользнула наружу. Может, он в кухне? Напрасные надежды. Чиф стоял посреди арки – не обойти его, не объехать.

– Доброе утро! – буркнула я в его спину. Андрей Юрьевич живо обернулся:

– Доброе утро! А вы быстро! Я сварил кофе и приготовил бутерброды. Вы с чем любите – с сыром или...

Его голос затихал по мере того, как он оглядывал меня сверху донизу. Наконец его глаза остановились на моих ногах. На покрытых красным ла-

ком ногтях. Я от неловкости пошевелила пальцами: сейчас мой педикюр мне самой казался жутко неприличным.

– ...или ветчиной? – закончил он нетвердо.

– Разберёмся, – пообещала я и задом ретировалась в спальню. – Вы присаживайтесь, Андрей Юрьевич. Я быстро.

Поспешно натянула бельё, джинсы и майку. Спрятала свой вызывающий педикюр... кстати, что *именно* вызывающий?.. в ярких клетчатых носках – обожаю носки сумасшедших расцветок. Настороженно пришлёпала на кухню. Чиф пил кофе. Поднялся при моём появлении.

– Садитесь.

– Спасибо, – покорно ответствовала я, умащиваясь в собственной кухне.

– Вот кофе, бутерброды. Ешьте и едем.

– Что это вам в голову пришло? – я начала благодарно поглощать его изделия.

– Проснулся, поглядел в окно – погода хорошая... почему бы нет?

– Вы же собирались работать!

– Расхотел, – легко сказал Андрей Юрьевич. – Давно не был за городом.

– А меня зачем?

– Для компании.

Я предупредила, принимаясь за кофе:

– Учтите, я, не выспавшаяся, – компания плохая! И вообще, в лесу сейчас клещи! У вас есть прививка?

– Какие клещи?

– Энцефалитные.

Он призадумался и вдруг лучезарно улыбнулся.

– А меня в детстве мама молитве научила!

– Какой?

– Я в лес – клещ из леса. Аминь!

– И помогает? – заинтересовалась я.

Он пожал плечами.

– Не кусали... В крайнем случае, будем осматриваться. Готовы?

– Ой, так надо что-нибудь с собой взять...

– Не суетитесь. Я всё взял. Ни с голоду, ни с жажды не помрём. Мясо на шашлык с вечера замочено. Сапоги резиновые есть?

– Да, – интересно, а сам он заметил свой собственный прокол? Мясо замариновал *с вечера*, а в лес ехать решил только утром?

– Давайте, Женя, в темпе, в темпе!

– Я по утрам только в темпе вальса... – пробормотала я.

Автострада была пустой – мазохисты-дачники пока не рвались на свои вожделенные участки, на которых по большей части ещё лежал снег. Я полудремала, поглядывая то на целеустремлённый профиль Андрея, то на

летевшую навстречу дороге. Сейчас бы ещё спала и видела сладкие сны. Чего ему вдруг сбрендило? Надо же, работать расхотелось... Наверное, и у нашего трудоголика чифа весна в крови бродит.

– А вы, вообще-то, знаете, куда ехать? – спросила я сонно.

– Спокойствие, только спокойствие! – сказал он голосом Карлсона. – Доверьтесь мне, Женья.

Я вздохнула:

– Ничего больше не остаётся, раз уж вы взяли меня тёпленькой.

– Ага, вот здесь, – сказал он, наконец. – Я думал, не узнаю.

«БМВ», переваливаясь, въехала в лес по еле заметной колее. Андрей заглушил мотор, вылез из машины.

– Бывали здесь раньше с друзьями. Вон там должен быть ручей. А где-то здесь мы разводили костер... да, возле той сосны. Погуляйте, я пока разведу костер для шашлыков.

Втянув руки в длинные рукава свитера, я медленно брела по леску. Ворошила вылинявшую прошлогоднюю листву. Кое-где хорошими белыми нашлёпками лежал снег. Кое-где – торчали маленькие кандыки и первые робкие травинки. Лес был прозрачным и трогательно обнажённым. Подобравшись к ручью, я зачерпнула воды. Она оказалась ледяной, но жутко вкусной.

– Же-ня! Вы где?

Запахло дымом.

– Я развел костер, – сказал чиф так гордо, точно это был первый костер за всю историю цивилизации. Может, для него совершение таких простых действий и вправду событие?

– Вижу, пошла за дровами.

Я таскала и ломала сухие ветки, пока не умаялась. Андрей приволок берёзину, посадил меня у костра, а сам стал расправляться с добытым топливом. Он уже давно скинул куртку, а потом и свитер. Мне оставалось только глазеть на него, что я с удовольствием и делала. Потом поняла, что он с таким же удовольствием позирует, а посему закрыла глаза и стала прислушиваться к лесу: журчание ручья, потрескивание костра, стук чифовского топорика. Интересно, а есть ли уже в лесу птицы? Дятлы разве что какие-нибудь...

– Замерзли? – спросил Андрей, опускаясь рядом со мной на бревно. Сел тесно, так что я чувствовала движение его бедра и плеча, когда он подбрасывал ветку в костер. От него вкусно пахло – дымком, свежестью, разогретым телом, слабым ароматом одеколona или лосьона. Расстреливать надо производителей этих самых мужских парфюмов – застанут расслабившихся женщина врасплох!

Я кивнула на его голые руки:

– Сами не замерзните!

Он беспечно отмахнулся.

– В крайнем случае ещё топором помашу!

– Вы тут часто бываете?

– Да, раньше часто. С друзьями. Года три назад.

– А теперь что?

– Ну... кто переженился, кто так отпал... Как-то разбежались все. Я даже не знаю, ездят они ещё сюда. Но в этом году мы первые! Идёмте выбирать березу.

– А?

– Для берёзового сока.

Берёзу мы выбрали, Андрей профессионально сделал надрез и прикрутил к стволу пластиковую бутылку. На обратном пути я по колено провалилась в какую-то незаметную болотину. Пришлось задирать штанины и сушить ноги, сапоги и носки над костром. Я опять перехватила взгляд чифа на мой педикюр. Судя по цвету «бэхи», Андрей питает слабость к красному. Может, стоит попробовать одеваться в цвета пожарной машины? Или покрасить волосы в красный цвет? Да, на фоне преобладающего в приёмной синего не заметить меня будет проблематично...

– А картошки вы не захватили? – поинтересовалась я, когда он занялся углями. Андрей звонко шлёпнул себя по лбу.

– Так и знал, что что-то забыл!

– Ах, картошка-тошка-тошка-тошка-тошка, пи-ионеров идеал-ал-ал! – пропела я.

– Что-что? – спросил он, насаживая куски мяса на шампуры.

– Что-что! – передразнила я. – Неуч! Ни разу не были в пионерском лагере?

– Не довелось, – сознался чиф, колдуя над шашлыком. – А вы?

– Была и не раз.

Н-да... я опять осознала временной провал между нами. Детство моё прошло при Союзе, а он при нём только родился. Вот чёрт, у нас даже воспоминаний общих нет!

– Я не успел в пионеры вступить, – сказал Андрей. – А вот октябренком был. Где-то у меня ещё звездочка валяется.

– А я и комсомолкой была, – призналась я.

– Ну и как?

– Да нормально...

– Пиво будете?

– А вы?

– А я за рулем.

– Хотите спить бедную девушку?

– Хочу, – честно кивнул он. – Хотя, раз уж вы промочили ноги, лучше водку.

- У вас что, в машине бар?
- Я же не знаю, что вы любите, – спокойно объяснил Андрей.
- И коньяк есть?
- Есть. Хотите?
- И шампанское?!

Он засмеялся:

- Ладно, всё, будете пить лесной коктейль!
- Это что ещё?
- Обычно мы разводим спирт берёзовым соком. Вам, как женщине, полагается сок с водкой.

Мы ели шашлыки, я запивала их «берёзовой водкой», чиф – сладким чаем, болтали и смеялись. Солнце подсушило поляну, можно было даже ходить босиком. Андрей принёс из своей неистощимой машины туристический коврик, мы уселись на него, отвалившись спинами на берёзину.

Андрей стянул майку, снова улёгся рядом, заслонив локтем лицо. Провокатор! Мне приходилось теперь то и дело одёргивать себя, чтобы особо не тарашиться. И вообще не потрогать его. Андрей дышал ровно. Я легонько подтолкнула его локтем.

- Вы что, спите?
- М-м-м, – пробормотал он. – Почти.

Я подумала и, высвободив из джинсов майку, узлом завязала её на груди. Хорошо мужчинам – никто не обвинит их в провокации, когда они вот так вот преспокойно разоблачаются. А у женщин всё время то юбка коротка, то вырез слишком глубокий...

Справа меня согревал горячий бок чифа, слева – вновь разведённый костёр, сверху – высоко вставшее солнце. Глаза сами собой закрывались от тишины, тепла, переизбытка кислорода, набитого живота. Конечно, я не смогла им всем сразу противостоять.

- Жень... Же-ня...
- Ум-м-м?

Я открыла глаза. Заморгала на близкое лицо чифа: а этот ещё откуда? Эротические сны с ним в главной роли мне пока не снились.

- Жень, – шёпотом повторил он. – Может, вы перевернетесь?
- А?
- Ну, на другой бок...
- Зачем? - тупо спросила я.
- Вы, по-моему, подгораете.
- Что?

Я почувствовала осторожное прикосновение к своему животу, и от неожиданности резко села, откидывая его руку.

- Кожа покраснела, – пояснил чиф слегка смущённо.

– Да? – я посмотрела на живот. И вправду, порозовел. Это на апрельском-то солнце? Что же со мной случится в какой-нибудь там Турции?

Он улёгся вновь, заложив руки за голову.

– Надо было крем от загара взять. Не знал, что вы такая... белокожая.

Его глаза неспешно скользили по мне. Не думаю, что этот осмотр доставлял ему особое удовольствие, если учитывать, с какими ухоженными дамами он общается. Я же слишком ленива, чтобы заниматься собой постоянно и планомерно. Так что у меня обычное тело сорокалетней женщины, может, ничем не хуже, но и не лучше... Нет, пока тридцатидевятилетней! Я с достоинством одёрнула майку.

– Не собиралась загорать. А вы, – я стрельнула взглядом на его голый торс, – похоже, огнеупорный?

Он погладил себя по твёрдому животу, я заворожено следила за его рукой: он что, сознательно меня провоцирует? Гипнотизирует?

– Не жалуюсь.

Ещё бы ему жаловаться! Давненько не наблюдала рядом с собой такого... э-хмм... мужского тела – мои ровесники практически все поголовно уже обзавелись унылыми жизненными горбами и пивными брюшками.

– Хорошо поспали?

Я потеряла глаза.

– Тишина такая!

– Это я мобильник отключил, – сообщил он.

Я заморгала:

– А я-то думаю, что же не так? Чего-то в вас не хватает... что, даже «эсэмэски» не просматривали?

– А, спасибо, что напомнили, – он дотянулся до куртки, достал мобилу. Пролистал несколько сообщений. Встал, отряхивая джинсы. Отошёл на другой конец поляны, негромко разговаривая. Оглянулся на меня, и я уставилась в костёр. Потух...

Идя ко мне, чиф уже издалека развёл руками.

– Что, пикник закончен?

– К сожалению. Надо ехать.

– Ну, надо так надо, – сказала я, подымаясь. Конечно, было очень славно, но всё-таки хорошо, что всё закончилось. Не знаю, куда бы завела нас эта весенняя расслабуха... Ладно, не нас – меня!

– Подождите, не одевайтесь, – остановил меня чиф. – Мы ещё не осмотрелись.

– А?

– На предмет клещей.

Он подошёл, на полном серьёзе подставляя мне склонённую голову. Я провела ладонью по жестким густым волосам. Клещей нет. Перхоти тоже.

Чиф, задрал руку, деловито оглядывал подмышки. Я подавила острое желание хорошенько дёрнуть его за ухо.

– Чисто! Молитва помогла.

– А вы куда?

Ох, а вот этого я надеялась избежать! Я покорно повернулась к нему спиной. Надеюсь, он тоже не будет дёргать меня за уши! Чиф не спеша разводил пальцами мои волосы – не такие уж они густые, чтобы терять на это так много времени! Вот не подозревала, что простой осмотр на присутствие-отсутствие клещей может стать таким... сексуальным. Андрей, стоя почти вплотную, осторожно дышал мне в затылок. Его пальцы легко пробежались по вырезу моей майки. Я поёжилась и засмеялась – беззвучно. Тёплые руки легли на мои трясущиеся плечи.

– Что?

– Я подумала... мы со стороны, наверное, похожи на мартышек, которые выискивают друг у друга блох!

Чиф хмыкнул, громко клацнул зубами над ухом, словно выкусил невидимую блоху. Отпустил мои плечи.

– И пояс джинсов осмотрите.

А я-то во всём полагаюсь на вас, Андрей Юрьевич! Чиф энергично одевался. Интересно, с кем он там беседовал? И вовсе тебе неинтересно! Вон, пояс джинсов лучше осмотри!

Мы уже ехали по по-прежнему пустынному шоссе, когда чиф лениво спросил:

– Я забыл, вы водили когда-нибудь «БМВ»?

– Не-а.

– А хотите попробовать?

– А что, неужели дадите?

– Берите, – он убрал с руля руки и скрестил их на груди.

– С ума сошли! – закричала я на него, после секундной заминки хватаясь за руль.

– Сошёл, – легко согласился он. – Давайте местами меняться.

– Как?

– На ходу, – он подхватил меня под боки, и, приподняв, начал перетаскивать на своё место, одновременно пытаюсь перебраться на моё. Как в детективе с погонями мы менялись местами, не снижая приличной скорости – машина виляла, я ахала, нервно смеялась и ругалась, Андрей твердил: «нормально, вот так, не так сильно...» Наконец, мои ноги оказались на педалях, руки – на руле, а зад – на нагретом водительском месте.

– И что дальше? – спросила я напряжённо, стараясь ни на секунду не упускать из-под наблюдения коварную дорогу. Краем глаза всё же увидела, как Андрей пожал плечами.

– Представьте, что это немецкий «автобан». Вперёд.

– Если в этом «впереди» окажется хоть одна машина, я непременно с ней «поцелуюсь»! – честно предупредила я.

Но машин не случилось. Дорога, хоть и не «автобан», была вполне приличной, километры с шелестом ложились под колёса, и я сама не замечала, что всё сильнее давлю на газ. Вот это машина! Не то, что раздолбанные «жигули», на которых я тряслась в автошколе!

Чиф сказал что-то. Я покосилась. Он наблюдал за спидометром.

– А? – спросила я восторженно. Андрей поднял глаза и улыбнулся мне сомкнутыми губами:

– Ничего, Женя. Всё нормально.

В эту минуту я была готова понять любовь мужчин к "тачкам" – машина-зверь, слушающая малейшего движения, скорость, дорога...

– Тише, – сказал чиф – слишком быстро для меня. – Тише, Женя. Сбрасывайте скорость.

– Почему это?! – азартно спросила я.

– За поворотом пост «ГАИ». Тормозите. Вот так. Остановите вон там, у обочины.

Мы с машиной послушались. Я любовно гладила руль присмирившей «бэхи». Чиф некоторое время сидел неподвижно. Потом вздохнул:

– У вас нет сигарет?

– Есть, – я кинулась к своей сумке. Сейчас я была готова отдать ему не то, что сигареты – свою дорогущую французскую помаду. Чиф взял пачку, вылез из машины. Он глядел вдаль и курил – быстро-быстро. Выкинул окурочек и закурил вторую сигарету.

– Вы же не курите! – напомнила я, вылезая наружу.

Он затаился и внимательно осмотрел сигарету в своих пальцах – словно впервые заметил.

– Не курю, – подтвердил и продолжал курить. Я поглядела на вечернюю дымку над близким уже городом. Потянулась блаженно:

– Обалдеть, какая машина! Разбогатею, обязательно такую куплю. Вы ведь больше не дадите прокатиться?

Чиф кинул сигарету себе под ноги. Затаптал. Сказал мрачно:

– Ни за что не дам. У меня нервы слабые.

– Ой, я что, ехала слишком быстро? – догадалась я.

– Нет, вы летели слишком низко!

У своего дома я полезла на заднее сиденье за рассыпавшимся букетом ландышей. Помахала им, как флажком:

- Спасибо за свежий воздух!

Андрей смотрел на меня, сложив на руле руки.

– Вы довольны выходными?

– Довольна? Конечно! Кино, стриптиз, сваренное боссом – собственноручно! – кофе, лес, шашлыки, да еще «БМВ» напрокат... у меня скоро пальцы кончатся загибать!

– Вы, правда, довольны? – не отставал он.

– Честное пионерское!

– Значит, так, по-вашему, следует проводить время, чтобы лучше узнать женщину?

– Э-э-э... эхм... – я запоздало вспомнила свой собственный совет. – А что вы про меня, собственно, успели узнать?

Он подумал и тоже начал демонстративно загибать пальцы:

– Вы любите книги, детские фильмы... («И вовсе они не детские», – обиженно проворчала я) у вас много друзей и знакомых, есть рыжий кот Марс, соседка Элжбе... Элжге... нет, это я не выговорю... танцуете танец живота... в детстве ездили в пионерские лагеря и даже были комсомолкой... вы легко сгораете, потому что у вас очень белая кожа.

Он поглядел на мои волосы.

– Я думал, вы их красите, но вы и вправду рыжая, да?

– Никогда не задавайте женщинам таких вопросов, – предупредила я. – Это очень интимно, практически из разряда: «А какое бельё вы носите?».

Он улыбнулся и сказал легко:

– А какое бельё вы носите?

– Андрей Юрьевич! Вы меня пугаете! – я полезла из машины вон. – Между прочим, я о вас практически ничего не узнала!

Чиф вылез следом.

– А что бы вы хотели узнать?

Я удержалась от повторения вопроса про бельё.

– А что бы вы хотели про себя сообщить?

Он подумал и сообщил:

– Я не умею танцевать танец живота.

– Душераздирающее известие! И это всё?

Он улыбался мне поверх машины:

– Давайте проведём вместе следующий выходной.

– А?

– Ну, чтобы теперь *вы* узнали меня получше.

Я почувствовала, что впадаю в лёгкий столбняк.

– Выходной?

– Тогда в какой-нибудь вечер на неделе, – предложил он. – Или я вам уже надоел?

Я онемела.

Улыбка медленно стекала с его лица. Андрей сказал неожиданно резко:

– Евгения Александровна! Вы не обязаны проводить со мной время только из-за того, что я ваш начальник. Если вам... если вы не хотите...

– Хочу! – немедленно сказала я. Чиф блеснул глазами и нырнул в машину:

– До завтра!

– Угу, – сказала я, прижимая к груди подвядшие ландыши.

Я пребывала в шоке.

И не вышла из него даже в понедельникное утро. Андрей Юрьевич прибыл позже меня – крайне необычно – сверкнул улыбкой, но даже не приостановился у моего стола.

– Доброе утро, Евгения Александровна!

– И вам того же...

Я поймала себя на том, что уже минут десять плююсь на закрывшуюся дверь кабинета, и отвесила себе хорошего мысленного пинка. Арбайтен!

Этот понедельник полностью оправдал свою характеристику – тяжёлый. Прибыли представители клиентов с претензиями по невыполнению договоров, я целый день таскала туда-сюда бумаги, ворошила архив, вызывала главбуха и юристов. К концу дня у меня так разболелась голова, что я начисто забыла об Ольгином дне рождения. Спихватилась, когда в седьмом часу подруга позвонила и ужаснулась, что я всё ещё на работе, хотя должна сидеть уже за праздничным столом. До Оли надо было ещё пилить через два района. Если меня будут дожидаться, все кушанья успеют прокиснуть. Ольга размышляла недолго:

– Иванов уже катит с работы. Позвоню, он за тобой заедет. Будь готова.

Народ валил из кабинета – усталый, но, похоже, взаимно довольный. Чиф пожал всем руки на прощание – кстати, а у бизнес-мужчин руки к концу дня не болят? – и повернулся ко мне.

– Ну, как? – сочувственно спросила я. Выглядел он измотанным.

Чиф закатил глаза.

– Отбились!

Присел на край стола.

– Устали?

Я откинулась на спинку кресла. Я ещё бы и откатилась на нём, не будь это так заметно.

– Не до такой степени, как вы. Уже можно домой?

Он поглядел на часы.

– Да, конечно. Собирайтесь. Может, заедем по дороге куда-нибудь, отпразднуем победу?

Вот так всегда! То пусто, то густо...

– Я бы с удовольствием. Но за мной сейчас уже заедут.

– Кто заедет?

Я открыла было рот – и закрыла. Не обязана я ему отвечать! Да ещё на вопрос, заданный таким требовательным тоном.

– Да так, – сказала уклончиво. – Приятель.

Андрей Юрьевич помолчал, разглядывая стену над моей головой.

– А я, пожалуй, поработаю. Надо ещё раз проверить договора. А вдруг мы допустили где-то такой же промах?

– Пусть юристы смотрят...

– Договора подписывал я! А вы идите, Евгения Александровна! Я же не рабовладелец, всё понимаю...

– Ну, ты даёшь! – недовольно сказал Денис, являясь в дверях приёмной.
– Я уже час торчу под окнами! Здравсьте.

Начальник кивнул, и не подумав слезть с моего стола. Хорошо, что Иванов такой толстокожий – мне, например, критический взгляд чифа очень не понравился.

– До свидания, Андрей Юрьевич, – сказала я. – Не перерабатывайте. А то как же мы без вас...

Он усмехнулся:

– Умеете вы найти тёплые слова, Евгения Александровна. Вы уж сами постарайтесь не забыть, что завтра утром на работу.

– Да ведь он от тебя без ума! – сказала Ольга, с неослабевающим вниманием слушая мой длинный рассказ. Гости разошлись поздно, Иванов хорошенько приложился к рюмке, и было решено, что я останусь с ночевкой, а утром меня подбросят прямо до работы. Ничего, не умрёт за сутки мой Марс, я ему много еды оставила...

Вымыв посуду и отправив Дениса спать, мы по давней привычке заболтались о своём, о девичьем. Ольга ещё и все детали выспросила – как посмотрел, да что сказал. Говорит, в её положении сейчас только слушать о чужих похождениях. Словно раньше она «отрывалась» – до Дениса жила пару лет с Валериком, который гулял от неё налево-направо, а она и знать о том не знала, всё галопом с работы домой неслась ужин ему горяченький готовить. Слава богу, Иванов "выходил" её наконец!

– Это я скоро от него последнего ума лишусь! – буркнула я. И оживилась: – А почему ты так решила? Я, конечно, понимаю, что ему нравлюсь, но чтоб без ума...

– Он ведь доверил тебе самое дорогое, что у него есть – свою машину! – торжественно заявила Ольга. Я смотрела на неё с сомнением – довод не казался решающим.

– Я же вижу, как Иванов над «тойоткой» трясётся! Если б можно было – меня бы отправил жить в гараж, а машину рядом с собой в постель уложил. Чуть какая царапина – в истерику впадает!

– А видела бы ты, как твой Иванов в истерике бился, когда тебя на сохранение на «скорой» увезли! Пришёл ко мне – лица нет.

– Да-а? – довольно спросила Ольга, но тут же насторожилась. – Это когда я в больнице лежала, он к тебе шлялся?

– Ты что, совсем?! Ты меня с кем-то спутала? Я же вас обоих сто лет знаю!

– Ох, да в тебе-то я уверена! А вот насчёт него...

– Ну и дура. Это всё твоя беременность, гормоны пляшут, крыша едет...

– Ну коне-е-ечно! Давай вернёмся к твоим гормонам и твоей крыше!

– А я и не против!

– Давай рассуждать логически.

– Давай. Рассуждай. У меня не получается.

– В кино с тобой ходит? Ходит. На стриптиз? Ходит. За город возит? Возит. Ночевать предлагал остаться? Предлагал. А Леночку ты его давно видела?

– Да что-то больше не появлялась. Хотя раньше, говорят, чуть ли не каждый день навещала.

– Вот так вот! И какие тебе ещё нужны доказательства?

– А-а-а... почему я-то? Не первой молодости, всё-таки...

– Да тебе никто твой сороковник не даст!

– Тридцать девять ещё, между прочим! – обиделась я. – Не красавица. Не модель. Особым умом не блещу. Обаяние, конечно, имеется, но в рамках... уголовного кодекса.

– Ой-ой-ой, начала приbedняться! А может, у тебя феромоны подходящие?

– Чего?

– Ну слышала же, везде о них сейчас твердят! Бывает – и красавица, и умненькая, и характер золотой – а всё одна и одна. А бывает страшенькая, двух слов связать не может, а мужиков – видимо-невидимо. Вот это феромоны и действуют!

– Ну безнадега-а! Тогда что? Можно и не краситься, и за фигурой не следить, всё равно все без толку, если этих твоих феромонов нет?

– Не моих, а твоих, – поправила Ольга. – У тебя как раз они есть, коль его к тебе тянет. А тебя к нему тянет? Чувствуешь?

– Да я на месте не могу усидеть спокойно, когда он ко мне близко подходит!

У Ольги заблестели глаза.

– Так хватай его в охапку, пока Леночка не очухалась! Или пока у него самого терпение не лопнуло! Знаешь, как французы говорят: «женщина выглядит на столько лет, сколько лет её любовнику»? Не хило в сорок на тридцать выглядеть, а?

– Не хило-то не хило, а что дальше? Дальше-то что?

Ольга выпятила губы.

– Давай уже жить сегодняшним днем! А то мы вечно прикидываем – как бы чего не вышло, да как на нас посмотрят, да что люди скажут... Понимаешь, мы всю жизнь живём буквально для... соседей! Никогда не делаем того, что на самом деле хочется!

Из спальни вышел Денис – сонный, недовольный и взлохмаченный. В одних трусах.

– Чего кому хочется? Чего разорались-то? Спать не даёте!

Кот Дэнис – названный так в честь хозяина – до того мирно почивавший на Ольгиных коленях, прыгнул, и, задрвав хвост, пошёл жаловаться Иванову: как его не кормят, не любят, не глядят...

– А всю ночь футбол смотреть – нормально? – моментально среагировала Ольга. – Да ещё и звук на полную мощность! И сам орёшь, как оглашённый!

– Что б ты понимала!

– Да уж побольше твоего!

– Пожрать что-нибудь ещё осталось?

– Иванов, ты просто проглот! Мы же ели два часа назад!

– Ну и что? Тебе жалко, что ли? Совсем мужика голодом заморила!

– Заморишь тебя, вон уже какое брюхо отрастил!

Я хмыкнула:

– Ну да, у нас же равноправие – у тебя животик, и у него животик!

Денис попытался втянуть живот – не получилось, за несколько месяцев мирной семейной жизни у него и вправдуросло брюшко. Я уже давно заметила: как у парней появляется постоянная девушка, большинство из них (парней) резко растёт вширь. Да и то правда: бегать на свидания уже не надо, лишние калории на дискотеках и прочих развлечениях тратить – тоже, да и нервничать «любит-не любит» объективно незачем...

Денис гордо заявил:

– Все, что у мужика выше пояса – это грудь!

Я уже привыкла к их перепалкам – делали они это с явным удовольствием и азартом. Ольга скрылась в кухне, сердито загремела дверцами шкафов и холодильника. Иванов подмигнул мне и отправился за ней следом, почесывая «грудь».

Когда я через некоторое время заглянула на кухню, Денис, облапив жену, увлеченно целовал её в шею.

Да уж, против феромонов не попрешь...

Да и надо ли?

– Ну рассмотрел я вчера вашего приятеля, – сказал Андрей Юрьевич, пролистывая утреннюю почту. Я рассеянно смотрела на его склонённую голову. Чиф взглянул исподлобья.

– Это же ваш приятель?

– Что? А-а-а... да, кажется, наш, – согласилась я, соображая, какой смысл он вкладывает в это слово и кто, собственно, имеется в виду.

Андрей Юрьевич опустил глаза и буркнул:

– Могли бы и получше найти.

Я моргнула.

– Кого?

– А сколько их у вас вообще? – подозрительно осведомился чиф. – Того, что за вами вчера заезжал. На «тойоте-короле». И сегодня утром привёз. Вспомнили?

Ах, вот кто? Денис действительно был моим приятелем и – одновременно – мужем моей подруги. Откуда чиф узнал, на чём меня увозили-привозили – в окно за нами следил, что ли?

А какое ему, собственно?..

Я упёрла руки в боки.

– А этот-то вам чем нехорош?

– Не знаю, – он раздраженно отодвинул бумаги. – Но...

– А почему вы, собственно, позволяете себе такие замечания, Андрей Юрьевич?

Он поглядел на меня снизу и вдруг поднялся:

– Извините, я не хотел...

– Нет, именно *хотели!* То вам в кинотеатре не понравились мои друзья, то Денис вас не устраивает! Я, знаете, тоже не в восторге от ваших вкусов, Андрей Юрьевич!

– Да-а? – он прислонился задом к столу и скрестил на груди руки. – Неужели?

– Но я же не позволяю себе... – продолжала я шипеть и плевать.

– А вы позвольте.

– А? – я обескуражено смолкла.

– Поговорите со мной о моих вкусах, Евгения Александровна, – любезно предложил он. Я взглянула на его стол.

– Вы всё просмотрели?

– Кто вам не понравился? Мои друзья? А вы их вообще когда-нибудь видели? Лена? Кто?

– Да какая вам разница, кто мне нравится, кто нет! – с досадой сказала я.

– Мне интересно ваше мнение! – твёрдо заявил чиф.

– С какой стати?

– Вам не нравится Лена. Почему?

– А вам-то самому она нравится? – брякнула я помимо воли.

Пауза.

– А почему она должна не нравиться? Она умная, состоявшаяся, энергичная... красивая женщина, наконец!

И эта энергичная распланировала всю твою жизнь. Выйдет за тебя замуж, через год родит ребенка, сдаст его няням, создаст стильную обстановку дома, классный секс в постели, будет держаться за тебя зубами-когтями, изничтожать твоих любовниц, которых ты заведёшь, обязательно заведёшь, куда ж ты денешься... Ну и что во всем этом плохого, собственно?

– ...и будете вы с ней жить-поживать и добра наживать, – закончила я свою мысль вслух.

Андрей Юрьевич напряжённо сощурился:

– Что?

– Просто идеальная пара, говорю, – буркнула я. – Так я забираю почту?

– Да хрен с ней, с почтой! – грубо сказал чиф. Ну, хрен так хрен... Я пошла из кабинета.

– Евгения Александровна! – окликнул чиф. – Мы ещё не договорили!

Я обернулась, сладко улыбаясь.

– Разве? Я что-то должна была сделать по работе и не сделала?

– Вы не ответили! – упрямо, как мальчишка (или настоящий мужчина), напомнил он.

Я взялась за ручку двери.

– Я, конечно, не знаток семейной жизни...

– Это уж точно! – буркнул он.

– Как и вы, впрочем. Только, по-моему, не будет вам с ней ни тепло, ни весело. Извините, Андрей Юрьевич, у меня много работы.

И вышла, полная к себе отвращения – высказалась! Да ещё так романтично-напыщенно! Почему в разговоре с ним меня то и дело срывает на лирику?

Идиотский, конечно, вопрос...

Вообще-то, теоретически, двери от стену не грохают – для этого предусмотрен специальный отбойник. Чифовская грохнула. Я подпрыгнула от неожиданности.

– Евгения Александровна! – рявкнул чиф. – Я ещё не закончил!

– Разве?

Я начала нервно переключать бумажки. Андрей Юрьевич кулаками упёрся в стол, нависая надо мной. Не встать ли, чтобы уравновесить положение? Или пора уже звать на помощь?

– Почему вы вообще решили, что я собираюсь жениться на Лене?

И-и-и, да мы всё про то же! Я внимательно посмотрела ему в глаза. Отчеканила:

– ОБС!

– Что?

– Одна Баба Сказала, – пояснила я.

– Какая... баба? – растерялся он.

– Любая. Да у меня и свои глаза есть. Знаю я, как всё это происходит.

– Что?

– Однажды вы приходите к выводу, что пора бы уже жениться. Искать, а уж тем более, влюбиться некогда, всё у вас контракты да контакты, а Лена – вот она, давно испытанная и привычная. А если вы вдруг решите сорваться с крючка, вас от неё ждут б-а-альшие неприятности.

Он помолчал. Кривовато усмехнулся.

– Не знал, что моим сотрудникам больше нечем заняться, как обсуждать мою личную жизнь!

– Такова уж горькая судьбина любого начальника – быть в центре внимания, – утешительно заметила я. – Говорят даже, что пред-предыдущую секретаршу вы уволили по лениному желанию...

Чиф раздражённо взъерошил волосы.

– Чушь собачья! Настя была худшим работником в моей жизни! Поэтому-то я её и уволил!

– А коллектив считает иначе, – поддела я его. Глаза чифа сверкнули. Он склонился ко мне пониже и спросил вкрадчиво:

– А что говорит коллектив ещё?

– Своих не сдаём! – мгновенно отозвалась я.

– Ну, хотя бы в черновом варианте... У них уже есть кто-то для меня на примете?

Я растерянно смотрела на него. Сказать, что любая девица (и не девица) в его фирме готова прискакать к нему по первому зову? Не может же он этого не знать! Или хочет услышать от меня? Не дождётесь, Андрей Юрьевич! Не буду мешать ваше мужское самолюбие!

– А может, вы сами мне кого-нибудь посоветуете? – продолжал он иезуитски.

Я вздохнула.

– Кого-нибудь, кому плевать, появитесь вы дома или нет. Главное – чтобы денег приносили и выполняли вовремя свои супружеские обязанности.

Он моргнул.

– И всё?

Я хмыкнула:

– А как вы вообще представляете свою семейную жизнь? Разве не так?

– Я... не представляю, – как-то виновато признался он. Я поглядела на него сурово, как классная дама.

– А пора бы, не мальчик, чай... Андрей Юрьевич, вам не кажется, что мы с вами всё время ходим по кругу!

– То есть?

– Не припомню, чтобы я так долго обсуждала семейную жизнь с каким-нибудь мужчиной.

– Это судьба! – торжественно объявил чиф и наконец убрался в свой кабинет – уже в почему-то вполне благодушном настроении.

«Это судьба-а!», – вспомнила я слова из мюзикла «Собор Парижской Богоматери». Помнится, они все там плохо кончили...

– Никакая это у тебя не любовь, а просто проявление материнского инстинкта! – авторитетно поставила мне диагноз Ирка. Она получает второе высшее – психологическое – и на этом основании то делит нас по психотипам, то объясняет глубинные мотивы самых элементарных поступков...

То ставит мне сокрушительные диагнозы.

– Ты знаешь, – осторожно начала я, потому что Ирка не выносит никаких сомнений в собственной компетентности, – я была не до такой степени развитой девочкой, чтобы в десять лет родить себе сыночка...

– Да я не о том! – отмахнулась подруга по телефону. – Детей у тебя нет?

– Нет, – твёрдо сказала я. Подумала и на всякий случай добавила: – Насколько я знаю...

– Ягунова! Не морочь мне голову! Твои биологические часики тикают, инстинкт своего требует – и вот результат! Любовь к молодому парню – это и есть сублимация твоего материнского инстинкта!

Я сокрушённо молчала. Выходит, будь у меня какое-никакое дите, я бы Андрея Юрьевича и в упор не видела? Не психология, а инвентаризация какая-то – наблюдаешь себе за людьми, да ярлычки развешиваешь! И чего это я себе надумала? Не чувства, а сплошная субли... как там её... мация.

Вдруг меня осенило:

– А почему я тогда не запала на какую-нибудь девочку? Материнскому же инстинкту, насколько я понимаю, всё равно?

Ирка прореагировала мгновенно:

– Знаешь, что, Ягунова? Некогда мне тут с тобой рассусоливать! У меня котлеты горят!

И моя скорая психологическая помощь отключилась.

– Фирма «Три-плюс» слушает! – сказала я.

– Жень, ну и где ты была в выходные?!

– А что такое? – привычно агрессивно отреагировала я.

– Я тебе звонил на домашний, потом на сотовый, хотел после ночной заехать на часок-другой...

– Саш! – перебила я. – А ты, случаем, метелки для пыли не прихватил с собой?

Пауза.

– Нет, а что, надо было? У тебя ремонт?

– Знаешь, когда вещь задвигают далеко на полку, она пылью покрывается... Ты когда мне последний раз звонил? Зимой?

– Ну и что? – не смутился он. – Наскучались друг по другу...

Ага, исстрадалась, просто высохла вся!

– Ну у тебя и самомнение! Я даже не помню, как ты выглядишь!

– Вот и напомнил бы.

– А надо ли?

– Что за еврейский ответ?

– Что за дурацкий вопрос?

– У-у-у, похоже, мы сегодня не в духе!

– Саш, ты понимаешь, что мужчина раз в квартал меня не устраивает?

– У тебя что, кто-то появился? – мгновенно насторожился он.

– А если бы и появился, тебе-то что? Я девушка свободная. А эта наша с тобой тягомотина...

– Извини, Жень, мне некогда, я тебе потом перезвоню! – мгновенно сориентировался он.

Я поглядела на загудевшую трубку. Опять не получилось порвать раз и навсегда. Придётся, наверно, заносить абонента в «чёрный список». Ничего особо плохого мне «абонент» не сделал (хорошего, впрочем, тоже) – разве что пропадал месяцами, а потом являлся как ни в чём не бывало, уверенный, что я его всегда жду и всегда готова распахнуть перед ним двери и свои объятия.

Ябрякнула трубкой, бурля, точно кастрюля с кашей: вот-вот хлынет через край недосказанное. Подняла глаза и обнаружила, что чиф стоит в дверях кабинета неподвижно и монументально – как памятник самому себе.

И спросила – с претензией:

– А вот ВЫ со своей девушкой сколько раз в месяц встречаетесь?!

Андрей Юрьевич моргнул, но ответил честно, как на исповеди:

– Пару раз в неделю. Хотя могу и чаще – всё зависит от девушки.

Просто скрытая реклама какая-то! Я позавидовала девушке и приуныла.

– Мда-а... Чтобы встречаться два раза в неделю мне нужно завести... сейчас подсчитаю... восемь приятелей одновременно! Если каждый может выбраться ко мне раз в месяц... То ли все такие деловые, то ли с потенцией у них что-то не так...

То ли я им до лампочки.

Чиф словно прочёл мои мысли.

– Может, вам просто завести мужчину, которому вы нравитесь по настоящему?

– Да где ж такого найдёшь? – я, спохватившись, выпрямилась. – Вам что-то надо было, Андрей Юрьевич?

– Нет.

– А тогда что... Вы что, подслушивали мой личный разговор?!

– Конечно, – сказал чиф, нисколько не смущаясь. – Мне нравится вас слушать. Я вообще обратил на вас внимание из-за вашего роскошного го-

лоса – помните, когда вы перед собеседованием взяли трубку? И да, пожалуйста, вы совершенно спокойно можете пользоваться служебным телефоном в своих личных целях, моя фирма от этого не разорится.

И закрыл за собой дверь. Я некоторое время моргала, разглядывая её блестящую поверхность. Что это было? Выговор?

И когда это у меня вдруг прорезался «роскошный голос»?

Чиф уже который раз довозил меня до дому. В гости не напрашивался, но уезжать тоже не торопился. Обычно мы ещё минут десять сидели, болтая о том, о сем... Могли бы просидеть и дольше, я принуждала себя убраться – подобру-поздорову. По моему добру, а по его здоровью.

Я полезла было из машины, но тут же нырнула обратно. Её хозяин взглянул на меня с лёгким любопытством.

– Андрей Юрьевич! – торжественно начала я и замолчала. Тот подождал-подождал и напомнил любезно:

– Я вас внимательно слушаю!

– Вы не могли бы... – я вновь закусила губу.

Андрей сказал с усмешкой:

– Ну, в общем-то, до пятницы я совершенно свободен, можете не торопиться, формулируйте сколько вашей душе угодно!

Я вздохнула и выпалила речитативом:

– ...проводить меня до подъезда, но так, чтобы все подумали, что вы мой любовник?

Он посмотрел-посмотрел на меня, слегка расширив глаза, что-то сообразил и оглянулся:

– И на кого рассчитан этот спектакль?

– Вон, видите, возле соседнего подъезда высокий такой, усатый, с деушкой?

– Ну?

– Мы с ним встречались... а потом он завел подружку лет на ...цать меня и себя моложе. – Я поразмыслила. – А, может, ещё параллельно со мной встречался.

– И что?

– И что, и что! – окрысилась я. – Теперь при встрече с ними я испытываю страшный комплекс неполноценности. Надо его как-то изживать. Вы мне поможете?

– То есть, вы предлагаете мне стать вашим любовником? – невинно уточнил чиф.

– Только изобразить! – прошипела я. Андрей уставился на руль. Он честно старался не смеяться, но губы у него предательски подёргивались. Я с досадой махнула рукой. – Да ладно, не надо, забудьте!

– Сидеть! – приказал он.

– Что?

Чиф вышел, обогнул машину спереди, открыл дверцу и галантно подал мне руку. Я моргнула, опёрлась на руку и вылезла из машины.

– К сожалению, сегодня не смогу у тебя остаться, – сообщил Андрей – так звучно, что информация дошла и до соседнего подъезда. – Давай договоримся на завтра? Часикам к девяти подъеду?

– Давай, – готовно согласилась я, косясь через его плечо на "бывшего". Тот продолжал говорить со своей длинноножкой, но смотрел при этом на нас. Андрей тесно обнял меня за талию и повёл к двери.

– Пока! – небрежно сказала я, выскальзывая из его руки, но Андрей поймал меня за ремешок сумочки.

– Ты куда это?

– А что?

Он потянул за ремень к себе, спрашивая коварно:

– А поцелова-ать?

Ой, блин! Я попыталась отделаться поспешным чмоком в подбородок – но Андрей обнял меня, прижал и стал целовать серьёзно, "по-взрослому", с чувством, с толком, с расстановкой...

Не знаю уж, то ли карма у меня такая по жизни, то ли мужик попалался не тот – но я никогда не теряла голову от поцелуев. Зачастую они мне даже не нравились.

До этого момента.

Прежде чем мы друг от друга... отцепились, я успела почувствовать... всё, что полагается чувствовать в таком случае. Ещё и выдохнула неконтролируемо:

– Ни-че-го себе!

– Вот именно, - с кривой улыбкой подтвердил Андрей.

Мы глядели друг на друга, переводя дух.

– А, может, лучше *сегодня* к тебе? – спросил неожиданно чиф. Я очнулась, всполошилась и начала прогонять его взмахами кистей, как гонят забравшихся в дом кур. Хорошо хоть "кыш" ещё при этом не приговаривала.

– Нет-нет, до свидания! До завтра!

Андрей Юрьевич хмыкнул, но отозвался послушно:

– До завтра... заяц.

Уж не знаю – то ли это нежное прозвище для его... "бабэтт", то ли он так оценил мое паническое отступление. Я с любовной задумчивостью на лице помахивала рукой вслед отъезжающей машине, когда услышала за спиной:

– Здравствуй, Женя.

Я повернулась и лучезарно улыбнулась.

– Ох, Сережа, а я тебя и не заметила!

– Ну, и как там наше представление? – спросил чиф заговорщицким тоном. – Удалось?

Судя по времени, он не успел ещё доехать до дому и звонил из машины с сотового.

– Отлично! – отрапортовала я. – Он впервые за долгое время со мной поздоровался. Изволил заметить. Хамло!

Пауза.

– Он что, опять к вам приставал?

– В присутствии своей «ясельницы»? Ну что вы! Он мужчина осторожный.

– А если начнёт?

– Пошлю и с превеликим удовольствием!

– Тогда, может, надо как-то закрепить результат?

– В смысле?

– В прямом. Можем ещё пару раз поцеловаться у них на глазах...

– Нет, спасибо! – поспешно отказалась я. – Одного раза достаточно.

Больше чем.

– Вы уверены? – лениво спросил чиф. – Жаль. А то мне очень понравилось.

Я поглядела на загудевшую трубку. Мне тоже.

В том-то все и дело.

Ни за что больше не позволю ему себя подвозить!

После пары вечеров чиф пошёл навстречу моему решению – пересел на автобус сам.

– ...Привет, – сказали над моим ухом.

– Привет, – автоматически отозвалась я и повернулась посмотреть, с кем я, собственно... На меня смотрели улыбающиеся карие глаза чифа.

– О! – сказала я оторопело. – А вы что здесь делаете?

Он пожал плечами.

– Не поверите – то же, что и вы. В автобусе еду.

– А где это ваше... средство передвижения?

– В сервис отогнал. Так что я сегодня на своих двоих. А вы куда, домой?

– Угу.

В этот момент автобус так резко тормознул, что нас кинуло друг на друга.

– Извините, – буркнул Андрей. – Что он, дрова везёт?

– Нет, это, знаете, его всякие «БМВ» подрезают, – невинно пояснила я.

– Пройдите, пжа-алуста, в середину салона! – привычно заняла кондуктор.

– Ой, и, правда, сейчас студенты завалятся!

Студенты завалились. Чифа притиснуло ко мне. «Извините», – бурчал он мне в затылок, изо всех сил отжимаясь от поручней. Я глядела на его напрягшиеся руки. Вообще-то, как раз сейчас я ничего не имела против. Прижимались и менее приятные мужики. Причём не всегда по причине тесноты. Даже в моём преклонном возрасте... Интересно, а можно ли это считать показателем, что я не совсем вышла в тираж? Некстати (хотя почему – некстати?) полезли в голову анекдоты из серии автобусных: «Молодой человек, вы уже час на мне лежите! – Ну что я могу поделывать? – Ну хоть что-нибудь, да сделайте!» «Мужчина, уберите руку с моей груди! Молодой человек, это я не вам!»

– И что, всегда так много народа?

– Сегодня ещё средненько. Час пик, что вы хотите!

Автобус накренился на повороте, чиф сдался и перестал демонстрировать чудеса отжима стоя. Переместился поудобнее. При этом его рука обняла меня за талию. Я покосилась и решила игнорировать. Андрей с интересом разглядывал стены автобуса, полностью заклеенные рекламой и принтерными объявлениями о цене проезда, владельце автобуса и правилах поведения пассажиров. Начал тихонько пофыркивать. Я поглядела тоже.

«Остановок «здесь» и «там» не существует!»

«Уважаемые пассажиры! Просьба семечки, орехи и бананы съедать с кожей!»

«Объект находится под охраной Господа Бога!»

– На Речной выходят?! – угрожающе спросила кондуктор, я машинально продолжила себе под нос:

– Попробуйте только не выйти!

Андрей так радостно захихикал, что я рассказала про работавшую на маршруте кондукторшу таких размеров, что пассажиры заключали пари: пройдёт или не пройдёт между сиденьями? Проходила, ещё и приговаривала: «Вы мне за бесплатный массаж ещё доплачивать должны!» Потом про автобус, хором певший под Новый год «В лесу родилась елочка!» Про севших как-то глухонемых парней: они так интенсивно размахивали руками, разговаривая, что под конец хотелось уже сказать: «Ну-ка, тихо! Разболтались!» Оказывается, и такая неприятная, обыденная вещь, как поездка в автобусе в час пик, может превратиться в увлекательное путешествие, когда едешь рядом (и ещё как рядом!) с интересным молодым человеком.

Кондукторша обилечивала народ, чудом протискиваясь между плотно спрессованных тел. Я привычно подсчитывала цифры на выданных билетах.

– Что вы там вычисляете? – с любопытством спросил Андрей.

– Счастье.

– Какое счастье?

Я покосилась на него с жалостью: боже, жертва механизации! Не знать таких элементарных вещей!

– Если первая половина цифр в сумме совпадет со второй – будет вам счастье. Только надо загадать желание и съесть билетик.

– Автобусное счастье?

– Ну хоть автобусное, а то вообще никакого.

– Счастье надо заработать! – нравоучительно заметили откуда-то из-за спины. – А то, вишь ли, счастье она ищет... за шесть копеек.

– Ну, во-первых, давно уже не за шесть! – парировала я, не оглядываясь. – А во-вторых, – тогда это уже будет заработная плата, а не счастье... А вот если, допустим, различаются на одну цифру – будет вам сегодня встреча.

Женщина слева поглядела на свой билетик. Зашевелила губами.

– А если на две? – спросил Андрей.

– Веселье.

– А на три?

– Сами уже придумайте что-нибудь! Вы же умный... Ой, следующая моя остановка! Давайте прогискиваться.

– Уфф! – сказал Андрей, выбравшись наружу. – И что, вы всегда так ездите?

– Угу, – сказала я, пересчитывая пуговицы на пиджаке. Слава богу, сегодня без потерь.

– Обалдеть можно! – сказал Андрей, отряхиваясь и поправляя одежду.

– Вот! – наставительно сказала я. – Если даже бизнесмен среднего звена, вроде вас, не в курсе, как его подчинённые каждый день добиваются на работу, то, что говорить о депутатах? «Страшно далеки они от народа», как говорил когда-то великий Ленин...

– Когда-то говорил или когда-то великий?

– И то и другое.

– Обсудим политику? – предложил Андрей.

Я очнулась, огляделась и спросила:

– А вы куда, собственно, ехали?

– К вам, – моментально отозвался он и с удовольствием рассмеялся, увидев, что я растерялась. – Не пугайтесь так, я пошутил! Давайте прогуляемся.

– Куда это? – подозрительно спросила я. Андрей огляделся и махнул рукой:

– На северо-запад. Или вы предпочитаете другую сторону света?

Я ответила тем, что пошла в указанном направлении.

– Что вы делаете в выходные?

Я удержалась от желания ответить: «Всё!» Вздохнула:

- Переживаю тяжкое потрясение.
- То есть?
- У меня в воскресенье день рождения.
- Ну да, – вспомнил он. – Я и забыл уже.

Я бы очень удивилась, если бы было наоборот. Мужчины, по моему опыту, отлично помнят лишь собственный день рождения.

- Что вам подарить? – по-деловому спросил Андрей.
- Прогулку по Парижу потянете?
- А вы там не были?

Я опять вздохнула:

- «Никогда я не бывал в Париже, был бы тот Париж чуток поближе...»

А вы?

- Несколько раз.
- Интересно, с кем?
- А ещё где?

– Практически всю Европу объездил. А сейчас два раза в год летаю на недельку в Египет.

- Влюбились в какую-нибудь мумию фараона?
- Нет, дайвингом занимаюсь.

Я безмолвно смотрела на него. Здравствуй, человек с другой планеты! Все мои знакомые берут кредиты, чтобы выбраться из нашего захолустья в Турцию, расплачиваются потом годами, и считают, что им ещё повезло несказанно...

Видимо, он принял мой ошалелый вид за непонимание. Пояснил:

- Глубоководное погружение.
- Ага, – слабо сказала я. – Я в курсе.
- Загранпаспорт есть? – деловито поинтересовался чиф.
- У меня есть всё, кроме счастья и денег, – проворчала я.
- А Шенгенская виза?

Я с подозрением поглядела на него – он серьёзно, что ли?

- Ну есть...
- Тогда сегодня заказываю билеты.

Я поспешно похлопала его по руке:

- Охолоните, а? Я пошутила.
- То есть, в Париж вы не хотите?
- Хочу! Но...

Что такое – «но» – и сама представления не имею. Андрей наблюдал за тем, как я открываю-закрываю рот. Вежливо ждал продолжения. Издевательски вежливо, по-моему. Я рассердилась:

- Да вы всё и сами понимаете!

Развернулась и пошла от него. Андрей догнал меня в три шага. Сказал, заглядывая в лицо:

- А что я понимаю?
- Андрей Юрьевич! – прошипела я.
- Я просто хотел сделать вам приятное...
- Леночке своей делайте!
- Женя.

Я от неожиданности остановилась – он взял меня за плечо и тут же отпустил. Может, потому что я вздрогнула.

– Что?

– Вас же это ни к чему не обязывает! Совершенно, – поглядел поверх моей головы и неожиданно добавил: – Хотя вовсе не потому что я против.

– Андрей Юрьевич!

– Я понимаю, вы не та женщина, которую берут штурмом. Но...

Он коротко вздохнул.

– Вы мне очень нравитесь. Когда я о вас думаю, у меня голова кружится...

А мне так даже и думать не надо! И вообще, зачем я только с ним целовалась? Потому что мне тут же захотелось это сделать снова.

Непрерывно.

Немедленно.

И чиф, как назло, опять прочёл мои мысли.

Мы целовались и целовались и целовались...

Когда Андрей, наконец, отпустил меня (или это я его, наконец, отпустила?), мой взгляд упал на хихикавших девочек-подростков. В глазах проходившей мимо женщины, с осуждением покачавшей головой, читалась неприкрытая зависть; а мужик, куривший неподалеку, смотрел с сочувствием – видать, людям совсем некуда податься, чтобы заняться чем-то более существенным. Господи боже мой, и как же это я до такого докатилась? Целоваться на улице... в моём преклонном возрасте! Но угрызения совести в моё замутнённое сознание никак не попадали – просто промахивались мимо цели.

Мир ещё пару раз качнулся в полёте и встал с головы на ноги.

И я выпалила, уставившись в грудь Андрея:

– Андрей Юрьевич, я хочу взять два дня без оплаты!

Долгая пауза.

– Что? – спросил он.

– Дни без оплаты! – отгарабанила я. Подумала и добавила: – Взять. Я.

Информация, отмериваемая в столь малых дозах, усваивалась чифом сейчас гораздо лучше.

– Зачем? – уже почти без паузы спросил он.

– Вы же знаете, у меня юбилей! В выходной! Уборка там, готовка, гости... – я вскинула взгляд и трусливо вильнула им в сторону. Идиотка! Сама же недавно ему говорила, что сорок лет не празднуют! Андрей смотрел

на меня и, похоже, всё понимал. Потому что повторил, словно и не слышал моих слов:

– Зачем?

– Привести мозги в порядок, – ответила я на этот раз честно.

– А надо ли?

– Мне – надо.

Молчание.

– А потом... когда вы их приведете, я увижу вас на рабочем месте?

– Ну... заявление на расчёт я вам, кажется, ещё не подавала?

– Я просто боюсь... – начал он и замолчал.

– Чего?

– Ну ладно, неважно. Жень, можно я тебя ещё поцелую?

– Нет-нет-нет, нельзя, с ума сошёл! – пробормотала я. – Ни в коем случае!

И побыстрее обхватила его за шею.

Мозги я приводила в порядок долго. Вечер, ночь. И ещё утро. Я вспоминала все анекдоты про секретарш – боже, какая пошлость! – все прочитанные женские романы на ту же тему; правда, там заканчивалось всё прекрасно и счастливо (в понимании женской половины человечества). Я обзванивала подруг – и те ещё больше меня запутали, давая самые противоречивые советы. Осталось только к гадалке податься, карты раскинуть...

Наконец я решила: когда в воскресенье ко мне придёт мой самый настоящий средний возраст, он принесёт и какую-нибудь средневозрастную мудрость. А посему принялась за генеральную уборку, смутно надеясь, что вместе с порядком в доме наведу порядок и в собственных мыслях. Правда, я периодически ловила себя на том, что зависаю с тряпкой в руках и с глупейшей улыбкой на лице – вспоминая его слова, улыбку, поцелуи... Марс, испуганный невиданным энтузиазмом хозяйки, удрал на шкаф и наблюдал за мной трусливо и возмущённо, изредка подбадривая сверху противными воплями.

К сорока (почти) годам я начала принимать наличие-отсутствие мужчин в своей жизни философски. Есть – ну и хорошо (если, конечно, хорошо!). Нет – тоже неплохо, хоть выплюсь и не буду подгонять свою жизнь под чужие планы и интересы. Третья неделя затуманенных мозгов и неспокойного тела выбила меня из привычной индифферентной колеи. Вернула на пару десятков лет назад, когда я влюблялась часто и каждый раз – навсегда. Может, в этом и проявляется мой персональный КСВ? (Читай – Кризис Среднего Возраста).

А ведь я подошла к нему неплохо подготовленной, поскольку предчувствовала, что с наступлением времени "Ч" погружусь в пучину горьких переживаний. Даже провела экспресс-опрос на тему: как же с ним справ-

ляются достигшие сорокалетия знакомые женского пола? Хотя средний возраст определяют по-разному, все сходятся в одном – этот самый КСВ действительно существует.

Результаты опроса:

– У одной сын вырос и отошёл, муж постарел, охладел, по пятницам играет с друзьями в преферанс (в преферанс ли? с друзьями ли?) Пришлось родить второго ребенка и теперь сломя голову носиться по детским садам, поликлиникам, развивающим клубам – как и остальным молодым мамашам. «А оно мне надо было? – Но ты же Дашку любишь без ума! – Люблю! Но оно мне надо было?!» То есть, впадать в меланхолию девушке теперь просто некогда. *Хм, рецепт не очень подходит. Мужа, пусть даже и играющего в преферанс, пока не имею.*

– Вторая влезла в кредиты и занялась чуть ли не годовалым ремонтом. Теперь испытывает чувство глубокой усталости и ре-едкого удовлетворения. *Ой-ой-ой, не по мне! Только подумаю – уже впадаю в депрессию.*

– Третья решила обновить не саму квартиру, а ее обитателей – развелась, наконец, с гуляще-пьющим супругом и теперь усиленно подыскивает себе пару по объявлениям. «Ты знаешь, Жень, оказывается, на нас ТАКОЙ спрос! Я только отсеивать успеваю! Если соберешься объяву подавать – со мной советуйся, мы тебе такого насочиняем! Мужики как пчелы на мед слетятся!» *Надо серьезно подумать.*

– Четвертая меняет регион проживания – обменивает жильё поближе к родственникам, на родину, откуда так радостно выпорхнула когда-то в молодости. *Некуда!*

– Пятая «на старости лет» решила заняться собой и теперь ходит по фитнес-клубам и косметическим салонам. *Отличный пример, как бы только ему последовать? А то сила есть, воля есть, а вот силы воли... Не наблюдается.*

– Шестая ударилась в религию и теперь яростно приобщает к ней непросветленных окружающих. Окружающие отрыкиваются, отмалчиваются и уклоняются. *И я подожду.*

– Седьмая решила наверстать упущенное за десятилетия праведной семейно-материнской жизни и ушла в загул, встречаясь сразу с несколькими мужчинами. *А почему бы и нет?!*

Итак.

Этот день всё-таки наступил.

Я открыла глаза и уставилась в потолок, пытаюсь ощутить разницу между собой вчерашней и собой сегодняшней. Ничего такого... особенно не чувствовалось, пока я не сказала себе: «Поздравляю, дорогая, тебе – сорок!» И резко ощутила груз придавивших меня лет. Не то что груз – я бы сказала – могильную плиту.

Кряхтя, я спустила ноги с кровати. Кряхтя, поднялась и, не одеваясь, пошлёпала к зеркалу. Прильнула к нему, ища признаки неминуемого разложения... тьфу, старения! Разложение случится много позже (надеюсь). Морщин со вчерашнего дня вроде не прибавилось, седин – тоже. Я повернулась в фас и в профиль, разглядывая себя критически. Если втянуть животик... кстати, откуда набежал, полгода назад ведь ещё не было?.. жрать надо меньше, что за глупые вопросы... так вот, если втянуть живот, то вроде ничего ещё. С целлюлитом всё в порядке – он есть, и куда деваться не собирается. Разве что прирастать. И за осанкой надо следить, от конторской работы позвоночник то и дело норовит съехать в дугу. Тренировки, тренировки, и ещё раз тренировки, вон, тетки, заботящиеся о себе, в шестьдесят выглядят лучше некоторых ленивых в сорок! Сладкое – на выброс... после сегодняшнего дня... тренажеры-косметологи-чудодейственные крема...

Здра-асьте, пожалуйста! Такое впечатление, что этих двадцати лет и не было! В восемнадцать меня волновали те же проблемы, и давала я себе, помнится, те же самые зароки. Разве что про чудо-зверя-целлюлита тогда ещё и слыхом не слыхивали. И откуда, скажите, взять на все это дело силы, энергии, а главное – желания? Стимула нет, стимула! Как-то невзначай перед моими глазами мелькнуло видение «стимула» с улыбкой Андрея Юрьевича, но я прогнала его грозным шиканьем: с этого дня – никаких мечтаний!

Просто никаких.

Я залезла под горячий душ и долго грелась под ним, предвкушая длинный и спокойный день. Я целый год готовила своих друзей и родственников к тому, что сорок лет не празднуют, и, надеюсь, урок этот они усвоили. Неспешно накрашила глаза, намазала физиономию кремом от морщин – интересно бы посмотреть на женщину, которой он помог, не в телевизионной рекламе... Неспешно сварила кофе, съела пару штук пирожных.

За окном расцветала весна. Вот природа то и дело шастает туда-обратно: то стареет, то молодеет. Нет бы женщинам так же... Или просто жить бы молодой-красивой-здоровой до самой смерти. А потом – раз, – и сразу коньки отбросить. Не мучаясь. А то всё, что мне осталось – морщины, болезни, старость, нищенская пенсия и смерть... И это – счастливая взрослая жизнь, о которой мы так мечтали в детстве? Теперь-то я начинаю понимать мужиков, у которых «бес в ребро» – потенция вот-вот пропадёт, надо скорее наверстывать упущенное. Может, и мне пуститься во все тяжкие?

Пора, пора, давно пора!

Первой позвонила, естественно, мама – с полным списком пожеланий. Хоть бы одно какое-нибудь исполнилось за все сорок лет моей жизни!

– Мы его не едим, мы его уничтожаем...

– Ой, ма-альчики пришли! – запели из комнаты уже «поплывшие» подружки.

– А свечи задували? – ревниво спросил Серёга, торопливо стягивая кроссовки.

– В моём возрасте, – поучающе сказала я, – стоимость свечей уже превышает стоимость торта! Да хватит вам тортика, иди руки мой!

– Жень, я открываю шампанское!

– Угу, только не в люстру!

Роман попал в дверцу шкафа, и дело пошло веселее. Народ прибывал с периодичностью в четверть часа – клялись, что не сговаривались, что проходили мимо, зашли попить чайку, поговорить, позвонить по телефону... пописать, наконец, – но только не из-за моего дня рождения. Цветов, тортов, бутылок всё прибавлялось, сидячих мест – уменьшалось, пришлось пойти к соседям за табуретками.

Весёлая, румяная и чуток хмельная я побрела на очередной звонок. Открыла дверь, не спрашивая и не заглядывая в глазок.

– И кого у нас ещё не хватает?..

И осеклась.

Андрей стоял, прислонившись плечом к стене и похлопывая себя по бедру персикового цвета розой.

– Здравствуй, – сказал он.

– Здравствуй, – сказала я.

Он глубоко вздохнул, поглядел на потолок и начал заготовленную, похоже, речь.

– Извини, я знаю, сорок лет не празднуют...

В это время нас оглушил очередной взрыв смеха. Андрей осёкся и заглянул мне за спину.

– У тебя гости... извини, я помешал...

– Ничего. Сегодня все приходят без приглашения.

Он принял это на свой счёт.

– Я... – махнул рукой с цветком и отступил от двери. Я молча смотрела на него. Он был в джинсах и пёстрой майке, хоть и явно дорогих, но всё же не казался таким лощёным, компетентным и недоступным, как всегда. Даже волосы не такие уложенные. Через секунду стало понятно почему – Андрей взъерошил их пятернёй. Он казался растерянным. Я спросила осторожно:

– Это мне?

– Что? А, да, извини, я дурак, это тебе! Я просто хотел поздравить... не знаю, розы какого цвета ты любишь...

– Этого! – мгновенно сказала я.

Мы молча смотрели друг на друга. Андрей снова взъерошил волосы.

Например, вдруг возникло «сибирское здоровье». Или привалил мешок денег. Или эта, как её... вечная любовь.

Потом отметились сестра, зять и племянники. Пожелания те же.

После этого телефон онемел. Я посматривала на него с тревогой, то и дело проверяя на предмет исправности. Трубка добросовестно гудела. Ну и что, что я не желаю праздновать свой день рождения? Уж набрать-то номер не проблема! Или услышать поздравление можно только в обмен на вкусное угощение? Ну не сволочи ли? Позабыть о такой исторической дате!

В утешение я съела ещё одно пирожное и решила откупорить бутылочку шампанского. В этом деле я не дока, да еще смертельно боюсь вырывающейся из горлышка пробки, а потому вскрыла бутылку чуть ли не через полчаса, красная и шипящая от раздражения, как само шампанское. Замахнула холодный напиток, немедленно налила второй бокал и поплелась с ним по коридору на стук в дверь. Заглянула в глазок – там болталось нечто цветное и яркое...

Шарики!

Напустив на лицо соответствующую суровость, открыла дверь.

– Сюрприз-из! – завопили мои школьные подруги, выскакивая из-за рвущихся к потолку шаров.

– Мы проходили мимо...

– Замерзли...

– Решили попить чайку...

Вперёд, как доказательство, высунулась внушительная коробка торта. И бутылка – с чайком, надо полагать. Я ухмыльнулась.

– Замерзли?

– Да!

– При пятнадцати градусов тепла?

– А знаешь, какой на улице ветер?!

– А бутылка зачем?

– Так греться!

– А. Тогда входите.

Мы прикончили шампанское и надрезали белый пышный бок торта, когда в дверь снова позвонили. Переминавшиеся на пороге Роман с Серёгой завели знакомую песню:

– Мы проходили мимо... Женя, ты так хорошо выглядишь... А Серёга и говорит: «Тут Женька живет, давно не видели».

– А цветы мы просто из любви, не на день рождения...

Я уткнула нос в букет – хризантемы – студенты разорились! Ещё и шампанское!

Длинный Роман глянул за моё плечо:

– Вы уже торт едите?!

– Знаешь... я без тебя, как без рук. Ничего найти не могу. Эта дура, которая вместо тебя...

– Аня сказала, ты на неё всё время орёшь.

– Да, но она такая бестолковая...

– На меня ты никогда не орал.

Он вдруг ухмыльнулся.

– Попробовал бы я!

– Ладно, скажи ещё, что ты меня боишься!

– До смерти, – неожиданно сказал Андрей. Я захлопала глазами – и не подозревала, что способна как-то запугать мужчину.

– Я так боялся выставить себя дураком... Ну, знаешь, когда ты смотришь на меня своим фирменным взглядом поверх очков...

– Пошла за очками, – сказала я, не двигаясь с места.

– Мне всё казалось, что ты воспринимаешь меня, как ну... мальчишку. Э-э-э, да я в своей возрастной паранойе не одинока!

– Ты вернёшься? – спросил Андрей.

– Я обдумываю этот вопрос.

– А если я пообещаю, что не буду... – он опять посмотрел на потолок, словно там у него была приклеена шпаргалка. – Что я постараюсь...

– Дело не в тебе, – перебила я.

– А в чём?

– Во мне.

Он моргнул.

– Ты мне тоже очень нравишься. Даже слишком очень.

На его лице появилась медленная улыбка. Очень идиотская, надо сказать. Но такой он был мне ещё более мил.

– Правда? Тогда что...

– Цифры! – перебила я его.

– Что?

– Цифра сорок. Тебе это о чём-нибудь говорит?

Он, сморщившись, смотрел на меня.

– Ты хочешь сказать...

Я нервно помотала в воздухе пальцами.

– Мне сорок лет! А тебе сколько? Тридцать есть?

Он помолчал.

– Женя. Это цифры. Просто цифры. Понимаешь? Тебя заклинило *на цифрах!*

– А ты понимаешь, что я буду ловить каждый твой взгляд на молоденьких девочек, и думать – ну, вот оно?

Андрей сделал шаг ко мне.

– Мне нравится, когда меня ревнуют.

– А ещё что тебе нравится? – слабо спросила я. Он был совсем рядом – такой тёплый... такой... живой.

– Ты, – сказал он.

– У тебя хороший вкус! – сообщила я. И едва не шарахнулась в сторону от его протянутой руки. Он заметил это, улыбка его стала ещё шире.

– Роза.

– А?

– Возьмёшь ты, наконец, эту чёртову розу? Она же колется, как... не знаю что!

Я сунула нос в цветок. Пахнет... Андрей привалился спиной к стене рядом с дверью.

– Ну. И что будем делать?

По лицу его блуждала улыбка. Под его взглядом у меня опять начала кружиться голова.

– Розу взяла, – сказал Андрей. – Жень, возьми и меня тоже, а?

Я глядела на него и начинала понимать кое-что важное. Очень важное. Ну и что с того, что это, возможно, не навсегда? Я, как ни странно, тоже не собираюсь жить вечно...

Я махнула розой. И сказала:

– Заходи!

Издательство «Ник без Компані»

Тираж 50 экз.

 Рекламно-издательский сектор